

ВСЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ Элли и Тотошки

ВОЛШЕБНИК
ИЗУМРУДНОГО
ГОРОДА

УРФИН ДЖЮС
И ЕГО
ДЕРЕВЯННЫЕ
СОЛДАТЫ

СЕМЬ
ПОДЗЕМНЫХ
КОРОЛЕЙ

Александр Волков

Подарочные издания. Иллюстрированная классика

Александр Волков

**Все приключения Элли и Тотошки.
Волшебник Изумрудного города.
Урфин Джюс и его деревянные
солдаты. Семь подземных королей**

«Алисторус»

1939, 1963, 1964

УДК 82-34-93
ББК 84.2(2Рос=Рус)-442

Волков А. М.

Все приключения Элли и Тотошки. Волшебник Изумрудного города. Урфин Джюс и его деревянные солдаты. Семь подземных королей / А. М. Волков — «Алисторус», 1939, 1963, 1964 — (Подарочные издания. Иллюстрированная классика)

ISBN 978-5-907120-35-8

В 1939 году впервые увидела свет сказочная повесть Александра Волкова «Волшебник Изумрудного города» с рисунками замечательного художника Николая Радлова. Герои книги стали одними из самых любимых у читателей детского и юношеского возраста. В сборник вошли еще две сказочные повести Волкова, где главным героем является девочка из Канзаса Элли («Урфин Джюс и его деревянные солдаты» и «Семь подземных королей»). О самом авторе известно крайне мало, его имя даже не упомянуто в большом биографическом словаре «Русские писатели XX века». Настоящая книга восполняет этот существенный пробел литературной жизни России, включая наиболее полную автобиографию Волкова. На отдельных страницах рядом с иллюстрациями приведены отзывы детей, их бабушек и дедушек о первых впечатлениях после прочтения сказки об Элли и ее верных товарищах Страшиле, Железном Дровосеке и других. Иногда эти письма грустные, даже трагические, но именно они говорят о непреходящей ценности данной книги.

УДК 82-34-93
ББК 84.2(2Рос=Рус)-442

ISBN 978-5-907120-35-8

© Волков А. М., 1939, 1963, 1964

© Алисторус, 1939, 1963, 1964

Содержание

Повесть о жизни	7
Автобиография писателя	7
Волшебник Изумрудного города	31
Ураган	31
Дорога из желтого кирпича	36
Элли в удивительной стране Жевунов	36
Страшила	43
Спасение Железного Дровосека	48
Элли в плену у Людоеда	54
Встреча с Трусливым Львом	60
Саблезубые тигры	64
Переправа через реку	67
Коварное маковое поле	72
На кого похож Гудвин?	75
Великий и Ужасный	78
Изумрудный город	78
Удивительные превращения волшебника Гудвина	84
Последнее волшебство Бастинды	91
Победа	95
Как вернулись к жизни Страшила и Железный Дровосек	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Александр Волков

Все приключения Элли и Тотошки

Иллюстрации Николая Радлова, Александра Шурица, Виктора Бахтина и др. В книге использованы фотографии и письма из личного архива Александра Волкова.

© А. М. Волков, текст наследники, 2019

© А. Д. Шуриц, иллюстрации, наследники, 2019

© В. В. Бахтин, иллюстрации, наследники, 2019

© ООО «Агентство Алгоритм», 2019

Повесть о жизни

Автобиография писателя

В старое время дворяне вели свои родословные от далеких предков, живших несколько столетий назад. Мое родословное дерево уходит корнями в не столь отдаленную эпоху – в начало прошлого века.

Жили в разных концах обширной Российской империи два труженика, два хлебопашца – Архип Волков и Иван Окша. Они никогда не видели друг друга, не знали о существовании один другого, но волей случая оба стали моими прадедами: один по мужской линии, другой – по женской.

Архип Волков родился в предгорьях Алтая, в селе Секисовском (бывший Сеитовский редут укрепленной линии, протянутой от Иртыша к Оби). Архип был современником Пушкина и Крылова, Гоголя и Лермонтова, но никогда не слышал этих великих имен: из всех жителей Секисовки грамоту знали только поп да сельский писарь.

Деревня была старообрядческая, с патриархальными нравами, со строгим бытом. Даже во времена моего детства куренье считалось там смертным грехом. Повиновение младших старшим являлось непреложным законом: кряжистые мужики с бородой до пояса свято почитали главу семьи – престарелого деда и слушались каждого его слова, каждого знака.

Жители Сосновки, Бобровки, Черемшанки и других окрестных деревень именовались в округе «поляками». Откуда взялось такое прозвище?

При царе Алексее Михайловиче (1645–1676) притесняемые усердными приверженцами патриарха Никона многочисленные группы раскольников-поморов, обитателей нашего европейского севера, покинули родные края и переселились в Стародубье¹ и на Ветку², в пределы тогдашней Польши. Туда они перенесли богослужебные книги, не испорченные никонианскими новшествами, и заветный обычай креститься двуперстно; туда же, в польские пределы, унесли мои предки свой характерный северный говор. Около столетия прожили выходцы с Поморья в окрестностях Ветки, а потом Ветка с ее многочисленными скитами по разделу Польши отошла к России.

По распоряжению Екатерины II генерал Маслов с двумя солдатскими полками окружил старообрядческие скиты на Ветке. Было захвачено 20 000 мужчин и женщин, детей; длинные обозы потянулись в далекую Сибирь. Там мужики и парни были поверстаны в солдаты, из них составились гарнизоны крепостей, редутов и шанцев укрепленной Обско-Иртышской линии. Солдатские семьи селились тут же, рядом. Так возникали деревни, пустынный край заселялся,

¹ Стародубье – ныне район Брянской области.

² Ветка – остров на реке Сож Гомельской области в Белоруссии.

а пришельцы получили прозвище «поляков» в память о тех краях, откуда привела их царская воля.

Помещиков в Сибири не было, крестьяне считались государственными, государству принадлежала и земля, на которой они обосновались, ее было в достатке. Каждая семья пользовалась многими десятинами³ за не слишком обременительный оброк. Хватало и лугов для разведения скота, на горах в изобилии росли леса.

Архип и Марья Волковы вырастили шестерых сыновей и двух дочерей. Большаком был Михайло, мой дед. Я помню низенького седого старика с реденькой бородой, с морщинистым лицом. Помню его избу с потемневшими от времени стенами, с иконами в переднем углу, с большой русской печью, с обширными полатями⁴, где находили пристанище мы, ребяташки.

Но пора рассказать о другом моем прадеде – Иване Окше. Если я мог проследить род Волковых чуть ли не до эпохи первых русских покорителей Поморья, то об этом моем прадеде я знаю очень немного, и этим немногим я обязан рассказам матери.

Думается, что среди предков украинского парубка Ивана Окши (а значит, и моих!) были и буйные гайдамаки, пересекавшие на валких дубах Черное море и громившие турецкие берега, и чубатые запорожцы, сподвижники Тараса Бульбы. Но не буду фантазировать: в своем рассказе я основываюсь только на фактах.

В те времена, когда жил Иван Окша, бывлая украинская вольность отошла в прошлое, звонкое слово «Украина» заменилось сухим официальным именованием «Малороссия», а народ был закрепощен.

Восемнадцатилетнего парня Ивана Окшу помещик сдал по раскладке в солдаты, и пришлось бедолаге четверть века тянуть тяжелую солдатскую лямку. У вод широкого Дуная сражался Иван с турками, в ущельях Кавказа воевал Шамиль⁵, а когда дали солдату чистую отставку, а с ней и волю, он глубоко призадумался:

«Сесть на землю к помещику? Закрепостить будущих детей? Или идти в лакеи к барину, низко гнуть перед ним спину? Но я и вражьим пулям не кланялся...»

И закинул отставной солдат за спину котомку с краюхой хлеба и десятком вареных яиц и зашагал напрямик в Сибирь, где, по слухам, жилось простому люду малость полегче, хоть и ссылал туда царь борцов за народное счастье.

Иван Окша обосновался на берегу быстрого Иртыша, неподалеку от Омска, женился, пахал землю, растил детей. Его дочь Саша вышла замуж за статного, рослого Петра Ивановича Пономаренко, которого в Сибири волостной писарь переименовал просто в Пономарева.

Александра Ивановна Окшина-Пономаренко была моей бабкой по матери. В поисках лучшей доли Петр Пономаренко двинулся на Алтай. Уже в зрелом возрасте завел он немудрящую водяную мельничку в Секисовке, где больше века множился род Волковых, населявших чуть не полдеревни. Здесь, на южном Алтае, у подножия величавой горы Гладень, суждено было встретиться потомкам Архипа Волкова и Ивана Окши.

Старший сын Михайлы Архипыча, Мелентий, по достижении призывного возраста был взят в армию, это случилось в 1882 году. Попал Мелентий в пехоту, в батальоне его определили в учебную команду, где готовился младший комсостав – ефрейторы, унтер-офицеры. У Мелентия Волкова оказались блестящие способности, огромная тяга к ученью. Офицеры поражались быстрому развитию крестьянского парня из глухой старообрядческой деревни. Мелентий

³ Десятина – старинная русская мера земли, равна 1,09 гектара.

⁴ Полати – настил из досок, устраивался под потолком на расстоянии 50–60 сантиметров от него.

⁵ Шамиль (1798–1871) – талантливый руководитель освободительного движения кавказских горцев против завоевательной политики русского царизма. Эта борьба продолжалась несколько десятилетий. В 1859 году Шамиль с остатками войска был осажден в ауле Гуниб и сдался русским. (Примечание автора.)

вскоре заработал три белые нашивки на погоны⁶, и начальство поговаривало о том, что стоило бы послать способного служаку в офицерскую школу. Но не стерпел молодой унтер-офицер, дерзко ответил на грубое слово начальника, и офицерская школа стала для него такой же далекой, как звезды на небе. Разжалованный унтер хотел пустить себе пулю в лоб, одиноко стоя в ночном карауле. Но подумал о том, что вся его жизнь еще впереди, и решил: «Если мне не судьба получить образование, будут учиться мои дети».

За год до окончания службы Мелентий чудом спасся от гибели. Служил он тогда в гарнизоне города Верный (ныне Алма-Ата) и пережил знаменитое верненское землетрясение 28 мая 1887 года. Жертвы насчитывались тысячами, все каменные дома в городе разрушились. Рухнула и солдатская казарма, тяжелая потолочная балка, упав наискось, прошумела над головой Мелентия. Таша на себе товарища с раздробленными ногами, солдат с трудом выбрался из развалин...

Через год отслуживший свой шестилетний срок солдат вернулся в родную Секисовку. Михайла Архипыч с нетерпением ожидал старшего сына, наследника хозяйства. Мелентий женился, но девушку взял не из своих, деревенских. Его любовь завоевала веселая, светлокосая Соломея Пономаренко с мягким украинским говором, с плавными движениями, задушевно певшая грустные украинские песни.

Мелентий не оправдал отцовских надежд: после долгих раздумий и колебаний он объявил Михайле Архипычу, что уходит в город, на сверхсрочную солдатскую службу.

– На легкие хлеба захотел? – ядовито спросил старик.

– Фельдфебелем⁷ обещали взять. Тоже нелегкий хлеб, зато детей выучу.

Невзрачный низенький старик с сивой головой точно вырос, преобразился. Он величаво произнес:

– Нет тебе моего благословения на уход! И коли покинешь дом, пусть ноги твоей больше здесь не будет!

Произошла тяжелая сцена. Бабка Аксиныя и молодуха Соломея заголосили, хватая мужей за руки, падали перед ними на колени, умоляли помириться. Но Михайла и сын его были настоящие упорные сибиряки: ни тот, ни другой не отступили от своего решения. Мелентий сурово бросил молодой жене: «Собирайся!» Он молча вышел из родительской избы и в трескучую зимнюю стужу повел Соломею в Усть-Каменогорск, за сорок верст. Бабка Аксиныя, рыдая, бежала за сыном до околицы и там, перекрестив его в последний раз, долго стояла, пока две смутные тени не исчезли в морозной дымке...

Отец с сыном помирились только через два года, когда родился Саша, первенец в многодетной семье Мелентия Волкова. Случилось это 14 (1) июня 1891 года.

Я не мыслю свое детство без книги. Читать я выучился необычайно рано, на четвертом году жизни. По требованию мамы папа учил ее грамоте, а я вертелся около и запоминал буквы.

В пять лет я уже читал толстенные томики Майн Рида в приложении к журналу «Вокруг Света», который мы получали в 1896 году. Теперь я удивляюсь, как папа на свое скудное фельдфебельское жалованье умудрялся ежегодно выписывать какой-нибудь журнал: то «Вокруг Света», то «Ниву», то «Природу и Люди», то «Родину»... В конце концов, из приложений к этим журналам у нас составила порядочная библиотечка.

Уютно устроившись на печке, я катил по американской прерии тачку вместе с Патрикой и Шур-Шотом («Пропавшая сестра» Майн Рида), странствовал на плоту по бескрайнему океану («Приключения юнги Вильяма»), разгадывал зловещую тайну «Всадника без головы»...

Я был ежедневным гостем в казарме, куда меня привлекали пестрые брошюры «Солдатской библиотеки» Тхоржевского. Я читал патриотические рассказы о Суворове, Кутузове...

⁶ Три белые нашивки носили старшие унтер-офицеры.

⁷ Фельдфебель – воинское звание, соответствующее теперешнему старшине.

Меня восхищали стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Алексея Толстого; в семь-восемь лет я знал множество их произведений наизусть. С каким весельем, а по временам с сердечным трепетом читал и перечитывал я гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки»...

Да, папа добился своего: несмотря на его ничтожное фельдфебельское жалованье, несмотря на то, что маме приходилось прирабатывать шитьем солдатских рубах по восемь копеек за штуку, наша семья стала культурной, отец увел нас от «деревенского идиотизма». Книги и журналы скрашивали наши досуги.

А сколько сказок знала мама, какими бесчисленными историями занимала она нас, детей, в долгие зимние вечера, сидя за шитьем...

Тесная комнатка. Уютно горит керосиновая лампа, освещающая морозные узоры на темном стекле окна. Папа, как всегда, в казарме, мы одни. Младшие спят, а мы с Петей жмемся к маме, и она заводит таинственным голосом:

– Это случилось в доме Иртышевских...

Мы с Петей знаем длинный, покосившийся дом с заколоченными окнами на берегу Ульбы. Он пользуется недоброй славой, мы проходим мимо него со страхом и, оставив позади, припускаемся во весь дух. А мама рассказывает страшную историю о том, как в отсутствие господ и слуг глупая девочка-судомойка впустила в дом, тогда еще новый, грабителя, и как этот грабитель, забрав драгоценности, заносил над девочкой нож... Мы с Петей трясемся от ужаса и плотнее прижимаемся друг к другу.

Десятки лет спустя я прочитал этот рассказ у Погосского⁸. Конечно, его действие происходило не в нашем скромном городке, а чуть ли не в Москве. Но талантливая рассказчица с каким-то особым искусством повертывала история так, что она становилась необычайно близкой и яркой, хватала за душу, переживалась с удивительной силой.

А как мама рассказывала «Аэшу» Хаггарда!⁹ Больше трех четвертей века прошло с той поры, а я как будто слышу гулкие шаги маленькой группы искателей сокровищ в мрачном подземелье, освещенном багровым светом факелов, я вижу, как сорванное с плеч Аэши белое покрывало устремляется в бездонную пропасть...

Множество забавных и страшных рассказов вынесла мама из своего деревенского детства, и, даже став взрослыми, мы, ее дети, слушали их с неослабевающим интересом. Думаю, что писательскую фантазию, помогавшую мне в работе, я унаследовал от матери. Отец при всех его огромных способностях знал одну только сказку про Фениста – Ясна сокола; мы много раз слушали ее и знали наизусть.

Годы шли. Кончились веселые рыбалки, беззаботные прогулки по горам, где весной мы собирали огромные букеты цветов. Ясным сентябрьским днем 1899 года папа за руку повел меня в городское училище. Приближаясь к двухэтажному каменному зданию, я смотрел на него с почтительной робостью, и мне казалось, что оно по своему величию не уступает дворцам, о которых я читал в книгах. Мог ли я тогда вообразить, что через двадцать лет в этом самом училище под моим началом будет коллектив из многих учителей и несколько сот учеников?

Мы прошли в учительскую, где инспектор Александр Иванович Михайлов проэкзаменовал меня. Стоя с опущенной головой у большого стола, покрытого зеленым сукном (сколько потом заседаний педагогического совета провел я, председательствуя за этим самым столом!), я бойко читал страницу из «Родного Слова» Ушинского¹⁰.

⁸ Александр Фомич Погосский (1816–1874) – русский литератор, прекрасно знавший народный и солдатский быт. Писал для народа, его произведения высоко ценились критикой.

⁹ Генри Райдер Хаггард (1856–1925) – английский писатель и юрист, автор многочисленных приключенческих романов с острым, занимательным сюжетом.

¹⁰ «Родное Слово» К. Д. Ушинского было в те времена самой распространенной книгой для чтения в начальных классах.

– Отлично, превосходно! – восклицал добрейший Александр Иванович.

– А я и по-письменному могу! – ободренный успехом, похвалился я.

Прежде чем меня успели остановить, я откинул корочку книжки и стал читать неровные строчки, написанные корявым детским подчерком:

– Сия книга принадлежит, никуда не убежит. Кто возьмет ее без спросу, тот останется без носу. Кто возьмет ее без нас, тот останется без глаз...

– Довольно, Саша, довольно! – рассмеялась молоденькая учительница Таисия Георгиевна Новоселова. – Видим, что умеешь...

Я прочитал наизусть несколько молитв, показал хорошее знание таблицы умножения...

– Во второй класс, – был приговор учителей.

Так я сразу перешагнул через целый год учебы, а при скудных папиных средствах это значило очень много. Меня зачислили в класс Таисии Георгиевны, она стала моей первой учительницей, и я навсегда сохранил о ней добрую память.

Учился я отлично, из класса в класс переходил с наградами.

И вот мне 13 лет, в руках у меня аттестат городского училища, дававший в те времена немалые житейские преимущества: льготу по воинской повинности, право на первый классный чин (помните, как держал экзамен на чин почтовый чиновник в знаменитом рассказе Чехова?), возможность сдать несложные испытания и стать сельским учителем...

И все эти блага маячили передо мной в довольно-таки отдаленном будущем. Сельским учителем можно было стать лишь в 16 лет. На государственную службу принимали в 18, в армию призывали и того позже. Аттестат с круглыми пятерками только тешил глаз и был повешен на стену в красивой рамке под стеклом.

Для моих однокашников по учебе дело с выбором профессии обстояло просто: они кончали городское училище в 16, 17, 18 лет. Учиться в те времена начинали поздно, лет в 10–11, за партами сидели лет шесть-семь, а то и все восемь. В годы моего ученья мои товарищи, рослые, сильные, играли мной, как котенком, перебрасывали с рук на руки, кружили в воздухе: я был очень мал ростом, легок.

Два года провисел мой аттестат на стенке; это время я провел дома, изнывая от тоски и находя единственное утешение в книгах, в сочинении корявых детских стишков и в выпуске ежемесячного литературно-художественного журнала «Мои досуги», где я был единственным автором, художником, типографщиком. А единственным его читателем и восторженным поклонником стал мой младший брат Петя.

Когда прошли эти тяжелые годы, я снова оказался в городском училище, на этот раз как «практикант для подготовки в учительский институт». Наверное, это выглядело очень смешно, когда малыш важно входил с классным журналом под мышкой к ребятам, которые были и выше и сильнее его, да и годами не очень уступали юному «практиканту».

Если бы моя юность проходила в Усть-Каменогорске теперь, в семидесятых годах XX века, то я за 15 минут дошел бы от своей квартиры до педагогического института, чтобы отдать документы секретарю приемной комиссии. А в те далекие времена, в 1907 году, мне пришлось поехать за две тысячи верст – держать конкурсный экзамен в Томский учительский институт, открывшийся только в предыдущем году и производивший свой второй набор. В России в ту пору учительских институтов было всего десять, и потому конкурс оказался очень большой. Но я сдал все экзамены на пятерки и в списке принятых на казенную стипендию числился первым. Какое восторженно-хвастливое письмо написал я в Усть-Каменогорск, своим учителям. Ведь это они дали мне такие основательные знания и вправе были гордиться моим успехом.

Многое мог бы я рассказать о Томском учительском институте, который наш директор, умный и дальновидный воспитатель Иван Александрович Успенский, сумел превратить в спасительный островок в черном море реакции, наступившей после революции 1905–1907 годов, но рамки моего повествования не позволяют этого сделать. Скажу лишь, что институт давал

своим питомцам основательные знания в объеме всех предметов средней школы и умение эти предметы преподавать. Я окончил институт в 1910 году с дипломом учителя городского училища и младших классов гимназии.

С назначением мне повезло: меня послали в городок Колывань Томской губернии. В Колыванском четырехклассном городском училище было всего 70 учащихся – просто благодать для 19-летнего юнца, впервые севшего за учительский стол. А самое главное – инспектором училища был Михаил Николаевич Осинин, человек большой души, прекрасный педагог, чуткий наставник молодых учителей. Как он, не оскорбляя самолюбия, указывал на твои ошибки, как умело учил овладевать доверием мальчишек и девчонок (училище было смешанное, редкость в те времена!). Свои педагогические навыки я получал от Михаила Николаевича, и пронес их через всю свою почти полувековую педагогическую деятельность.

После Колывани я больше десятка лет проработал в родном Усть-Каменогорске, а следующей ступенькой оказалось заведование Опытной-показательной школой имени М. Горького при Ярославском педагогическом институте.

Понятно, переход на более ответственную работу должен был сопровождаться повышением квалификации. Без отрыва от работы я окончил два вуза – Ярославский педагогический институт и Московский университет, оба по математическому факультету, изучил языки – латинский, французский, немецкий, английский.

Последние двадцать пять лет моей преподавательской деятельности прошли в Московском институте цветных металлов и золота имени М. И. Калинина. Здесь я в звании доцента читал высшую математику геологам, горнякам, экономистам. В Минцветмете моим руководителем и другом был профессор Василий Иванович Шумилов. Я учился у него еще в Томском институте, а потом, через много лет, наши пути сошлись в Москве.

Тысячи студентов слушали мои лекции, посещали математические семинары. Многие из них стали профессорами и докторами наук, директорами крупных заводов и научно-исследовательских институтов, полковниками и генералами...

Как я стал писателем? Я уже говорил, что склонность к «сочинительству» я унаследовал от матери. Свой первый роман я начал писать в двенадцать лет. Мой герой потерпел крушение и, спасшись с затонувшего корабля, подобно Робинзону Крузо, выплыл на необитаемый остров. Дальше двадцати страничек школьной тетрадки рукопись не продвинулась, и время уничтожило мой детский труд. А с каким удовольствием прочитал бы я его теперь!

Значительный литературный опыт дала мне газета Усть-Каменогорского учительского союза «Друг Народа». Я сотрудничал в ней после Февральской революции 1917 года, писал стихи, фельетоны, хронику.

В двадцатых годах я написал несколько пьес, они не без успеха исполнялись в любительских спектаклях. Seriously заниматься литературой я стал в тридцатых годах, после того как переехал в Москву.

Однажды, читая старинную книгу, я натолкнулся на интересный факт: русский человек поднялся на воздушном шаре задолго до того, как это сделали братья Монгольфье¹¹. Это и послужило основой для моей первой исторической повести, которую я вначале назвал «Первый воздухоплаватель». Действие происходит при императрице Елизавете Петровне, в пятидесятых годах XVIII века. Купеческий сын Дмитрий Ракитин, случайно оказавшийся замешанным в политический заговор, осужден на пожизненное заключение в крепости. И там, в одиночной камере, Дмитрию приходит идея создать летающий снаряд, подъемную силу которому давал бы горячий воздух. Ракитину удается убедить коменданта крепости помочь ему в осуществлении дерзкого замысла. Воздушный шар сделан, узник улетает.

¹¹ Братья Жозеф и Этьен Монгольфье осуществили полет воздушного шара, наполненного горячим дымом, в 1783 году в городе Авионе.

Эту повесть еще в рукописи я послал для прочтения Антону Семеновичу Макаренко. Вот как он о ней отзывался:

«Мое мнение о повести следующее: она обладает несомненными достоинствами, а именно – в ней прекрасно передан колорит елизаветинского времени, но действующие лица не обеднены, не нагромождено лишних ужасов, люди живут и работают с той необходимой долей оптимизма, без которой, конечно, невозможна человеческая жизнь... Интрига проведена в очень жизнерадостных, напряженных линиях, в повести много и юмора... Повесть должна быть отнесена к числу хороших повестей для юношества и даже для среднего возраста. После некоторых исправлений, которые автор легко сделает, она обратится безусловно в одну из лучших книг для юношества...» (9 сентября 1937 года.)

Повесть была напечатана Детгизом в 1940 году под заглавием «Чудесный шар». Книга вышла вторым изданием, капитально переработанная, в 1972 году. Тридцать с лишним лет прошло со времени ее первого появления, многое с тех пор изменилось в исторической науке, изменился и мой взгляд на события тех давних времен.

В те годы, когда я работал над «Первым воздухоплавателем», мне довелось прочитать на английском языке сказочную повесть американского писателя Франка Баума «Мудрец из страны Оз». Сказка понравилась мне увлекательным сюжетом, оригинальностью главных героев. Но представить ее советским детям в таком виде, как ее написал Баум, я считал невозможным. Действие в сказке развивалось случайно, не было единой линии, связавшей поступки героев. Переработав повесть, я написал С. Я. Маршаку:

«Многоуважаемый Самуил Яковлевич!

Посылаю Вам «Волшебника Изумрудного города». Хотелось бы, чтобы рукопись Вас порадовала.

...Я должен сделать несколько предварительных замечаний. Сказка Фр. Баума имеет объем в шесть печатных листов. Из оригинала сохранилось (и притом в свободной переработке), я думаю, около трех. Две главы, замедляющие действие и прямо не связанные с сюжетом, я выбросил. Зато мною написаны главы «Элли в плену у людоеда», «Наводнение» и «В поисках друзей». Во всех остальных главах сделаны более или менее значительные вставки.

...Я стремился провести через всю книгу идею дружбы, настоящей, самоотверженной, бескорыстной дружбы, идею любви к родине...»
(11 апреля 1937 года)

Самуил Яковлевич ответил очень быстро:

«Рукопись Вашу («Волшебник Изумрудного города») я получил и сейчас же прочел.

В повести много хорошего. Вы знаете читателя, пишете просто. У Вас есть юмор... По моему впечатлению – Вы можете быть полезным детской нашей литературе. Я хотел бы, чтобы Ваш первый опыт дошел до читателя. Я поговорю о повести с редакцией Детиздата...»

Через год после обмена этими письмами состоялась моя первая встреча с Самуилом Яковлевичем. Он отдыхал после болезни в подмосковном санатории «Узкое», и я приехал к нему (это было 15 апреля 1938 года). Подробности свидания записаны у меня в дневнике, и я рассказываю о них с документальной точностью.

Самуил Яковлевич встретил меня как близкого человека, и я сразу почувствовал себя легко и свободно.

– Я вас представлял совсем не таким, – начал Маршак. – Я думал, у вас вот такая борода... – Поясняющий жест рукой. – Ну как же, все-таки доцент! А борода-то как раз и не оказалось...

У нас завязался долгий душевный разговор. Самуил Яковлевич подробно расспрашивал меня о моих интересах и наклонностях, о том, каких писателей я больше люблю, о моей семье, о жилищных условиях (а они были в то время крайне тяжелые) и т. д. Он проявил величайший интерес ко всему, что меня касалось. Он много говорил о литературе и подробно разбирал некоторые современные произведения. Самуил Яковлевич также дал подробную оценку сказки «Волшебник Изумрудного города», сказал, что сказка ему очень понравилась. Жалел, что не успел прочесть «Первого воздухоплавателя».

Маршак спросил меня, люблю ли я стихи и писал ли я их сам. Я сознался в том, что действительно писал. Самуил Яковлевич сказал, что для прозаика обязательно чтение стихов, конечно хороших, они приучают к речи ясной, точной и образной. Незадолго перед тем была напечатана поэма А. Твардовского «Страна Муравия». У Маршака оказался экземпляр поэмы, и он с большим чувством прочитал из нее длинные отрывки.

По настоянию Маршака я прочитал ему одно из своих давних стихотворений, написанное еще в двадцатых годах.

Вот оно:

Верность

Настало тревожное время,
Готовится рыцарь к войне,
И, ногу в тяжелое стремя
Поставив, он молвил жене:

«Со славой вернусь, дорогая,
Меня ты с улыбкою жди
И, горечь разлуки скрывая,
Печальной вдовой не гляди!»

Сказал и умчался далеко
Навстречу превратной судьбе,
И в чуждой стране одиноко
Нашел он могилу себе.

И, долго его ожидая,
Печаль затаила жена,
И, даже с тоски умирая,
Еще улыбалась она...

Самуил Яковлевич одобрил это стихотворение безоговорочно, сказал:

– Очень хорошо!

Впоследствии я вложил эту вещь в уста менестреля в своем фантастическом памфлете «Приключение двух друзей в стране прошлого» (издано в Ташкенте в 1962 году).

В те годы Маршак заботливо сколачивал кадры для детской литературы. Из нашего разговора выяснилось, что он уже рекомендовал меня редакциям журналов «Пионер» и «Костер», советовал Детгизу привлечь меня к работе над «Детским календарем». Такое внимание меня чрезвычайно тронуло, мы расстались друзьями.

Во все последующие годы, вплоть до самой смерти Самуила Яковлевича (1964 год), я делился с ним творческими планами, держал в курсе своей литературной работы и всегда встречал полное понимание и поддержку.

В 1939–1941 годах сказка «Волшебник Изумрудного города» вышла тремя изданиями общим тиражом 227 тысяч экземпляров.

В те же предвоенные годы (удивляюсь, как тогда, при большой педагогической нагрузке в Минцветмете¹², у меня на все хватало времени) я перевел с французского языка никогда у нас не издававшийся фантастический роман Жюль Верна «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака». Этот перевод был напечатан в 1939 году в журнале «Пионер» (помогла рекомендация Маршака). Впоследствии «Барсак» (и с ним второй жюльверновский роман «Дунайский лодчман») был издан «Московским рабочим».

Моя литературная деятельность предвоенных лет дала мне смелость просить о приеме в Союз советских писателей. Мою просьбу встретили благосклонно. Моими поручителями, так сказать, «крестными отцами» были Самуил Маршак, М. Ильин¹³, Виктор Шкловский. В Союз советских писателей меня приняли 27 января 1941 года.

На дружеской встрече в Центральном Доме литераторов в Москве, где присутствовали Фадеев, Маршак, Гайдар, Михалков, Александр Фадеев сказал:

– Если бы вы знали, сколько раз мы с Маршаком разговаривали о вас, когда беседовали о детской литературе.

– Товарищи, – ответил я, – 1 июля 1940 года исполнилось 30 лет моей научно-педагогической деятельности. Но я намерен проработать еще лет тридцать на писательском поприще...

Может быть, это было принято за пустую похвальбу, но ведь тридцать лет с той поры действительно прошли (и даже тридцать пять!), за эти годы я выпустил два десятка книг, изданных по многу раз, переведенных на тридцать языков народов СССР и зарубежных стран. Их тираж исчисляется почти двадцатью миллионами экземпляров.

Наступили грозные дни Великой Отечественной войны. Страна поставила перед народом новые большие задачи: все нужно было подчинить интересам борьбы с сильным жестоким врагом. Я оставил работу над историческим романом «Два брата» и переключился на военную тематику. В 1942 году Детгиз выпустил в «Военной библиотеке школьника» мою книгу «Бойцы-невидимки». В ней я рассказал о применении математики в артиллерии и авиации. Книга была благожелательно встречена критикой. Вот что писал Вл. Булгаков в «Учительской газете»:

«Книжка поможет будущему бойцу лучше понять замечательные свойства нашей винтовки, постигнуть “секрет” меткой стрельбы, познакомиться с пушкой, гаубицей, мортирой, минометом, осмыслить многие военные термины, употребляемые нашими артиллеристами, водителями военных самолетов. Обо всем этом автор рассказывает занимательно...» (27 января 1943 года.)

¹² Минцветмет – Московский институт цветных металлов и золота им. М. И. Калинина.

¹³ Илья Яковлевич Маршак, публиковавшийся под псевдонимом М. Ильин.

1942–1943 годы я с семьей провел в эвакуации в Алма-Ате. Там я написал цикл рассказов «Тыл и фронт», они передавались по казахстанскому радио. Часто выступал с чтением своих произведений перед ранеными бойцами в госпиталях.

Вернувшись в Москву, написал книгу «Самолеты на войне» (рассказы о советской военной авиации). Книга удалась, была отмечена премией на конкурсе детской книги Наркомпроса¹⁴ РСФСР.

Интересно, что одним из иллюстраторов «Самолетов» был К. К. Арцеулов, один из первых русских авиаторов, летавший еще в дореволюционные годы. А редактировал книгу тоже старейший русский летчик А. В. Шиуков, в первые годы Советской власти занимавший высокий пост в Военно-Воздушных Силах молодой республики.

Моя общественная и литературная деятельность в годы войны была отмечена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Мирное время принесло новые труды и новые книги.

Единством эпохи и некоторых героев с «Чудесным шаром» связан роман «Два брата». Его главными действующими лицами являются братья Егор и Илья Марковы. В «Чудесном шаре» царский токарь Егор Марков – старик, в новом произведении я показываю его молодость, годы учения в Навигацкой школе, встречу с великим преобразователем Петром Первым. Параллельно развивается история старшего Маркова – Ильи.

Это борец с засильем богатых и знатных, неукротимый бунтарь, принимавший участие чуть не во всех народных волнениях Петровской эпохи.

Роман «Зодчие» переносит читателя в XVI век, в нем изображены «потехи брани, дела былых времен и взятие Казани и Астрахани плен...»

Его герои – талантливые русские зодчие Никита Булат и Андрей Голован, боярин Ордынцев, верховный имам Казани Кулшериф, царь Иван Грозный, скоморохи, воины... Но я бы сказал, что центральной темой романа стал рассказ о великолепном создании русских строителей – прекрасном храме Василия Блаженного на Красной площади Москвы.

Храм Василия Блаженного строился не как место для молитв верующих, а как величественный, вечный памятник внушительной победе молодого русского государства над азиатскими ордами, так долго терзавшими Русь.

Размеры этой автобиографии не позволяют мне подробно рассказать о всех моих исторических произведениях. Мною написаны роман «Скитания», повести «Царьградская пленница», «След за кормой».

В «Скитаниях» я рассказал о молодости великого итальянского философа и астронома Джордано Бруно. «Царьградская пленница» посвящена событиям далекой эпохи Ярослава Мудрого, судьбе русской женщины Ольги, проданной в неволю в Царьград, и ее детей Светланы и Збори. «След за кормой» – новеллы о том, как человек покорил водную стихию; книга охватывает период с доисторических времен до первых заокеанских путешествий скандинавских викингов.

Читатели первых изданий «Волшебника Изумрудного города», беспечные мальчишки и девчонки довоенной поры, давно выросли, когда в издательстве «Советская Россия» появилось новое, основательно переработанное и дополненное издание этой сказки с прекрасными цветными иллюстрациями Владимирского. Это произошло в 1959 году. Сказка обрела новую жизнь, получила громадное распространение: в трех издательствах (Москва, Минск, Ташкент) за прошедшие с тех пор годы вышло 1 250 000 экземпляров «Волшебника», не считая переводов на другие языки, а это тоже сотни тысяч книг.

¹⁴ Наркомпрос – Наркомат просвещения.

Девочка Элли, ее смешные и милые друзья Страшила, Железный Дровосек, Смелый Лев полюбили ребят. Они засыпали автора множеством писем, требуя продолжить приключения героев.

«Глас народа – глас божий» – говорит пословица. Автору пришлось подчиниться. На свет появились новые сказки о Волшебной стране. Первым продолжением «Волшебника» стала сказочная повесть «Урфин Джюс и его деревянные солдаты». Сюжет новой сказки несложен. Злой и коварный столяр Урфин Джюс, случайно овладевший живительным порошком, создает армию дуболомов, тупых и исполнительных деревянных солдат. Он завоевывает Волшебную страну, становится повелителем Изумрудного города.

На помощь попавшим в беду друзьям приходит Элли и ее дядя, одноногий моряк Чарли Блек. Он удивительный умелец. На построенном им сухопутном корабле Элли и Чарли пересекают Великую Пустыню и вступают в борьбу с Урфином и его дуболомами. Чарли Блек разгоняет деревянных солдат единственным выстрелом из самодельной пушки, Урфина берут в плен, судят, выселяют жить на родину, в страну Жевунов...

«Урфин Джюс» только раззадорил, что называется, юных читателей, поток писем с требованиями продолжить эпопею о Волшебной стране не иссякал. «Зацепка» для создания новой книги нашлась. В «Урфине» было рассказано о том, как Элли и ее спутники пробирались к Изумрудному городу подземельем, увидели колоссальную пещеру, населенную людьми, драконами, странными шестилапыми зверями... Чем не сюжет для новой сказки? Так появилась третья сказочная повесть «Семь подземных королей».

Четвертая сказка, «Огненный бег Марранов», снова ставит в центр событий злого Урфина Джюса.

Здесь я должен сделать небольшое отступление. Намереваясь закончить сказочный цикл на третьей книге, я заставил королеву полевых мышей Рамину предсказать, что Элли больше не вернется в Волшебную страну. Какой горестный резонанс вызвало это предсказание у юных читателей и особенно у читательниц! Многие из них плакали от огорчения и умоляли меня в письмах сделать так, чтобы предсказание Рамины не сбылось, и чтобы Элли снова вернулась к друзьям.

Но я резонно отвечал им, что если сказочник подорвет авторитет феи, то он подрубит сук, на котором сидит. «Феи не могут ошибаться», – писал я юным корреспондентам. Но все же выход пришлось искать, и он был найден. Я послал в Волшебную страну младшую сестру Элли по имени Энни, и с нею ее друга Тима О'Келли. Наряду с многими старыми персонажами сказок они действуют и в продолжающих цикл сказках «Желтый Туман» и «Тайна заброшенного замка»...

*Александр Волков,
Москва, 1975 г.*

Александр Мелентьевич Волков скончался от рака кишечника на 87-м году жизни 3 июля 1977 году жизни и был похоронен на Кунцевском кладбище.

В День Победы 9 мая 1945 года Волков записывает: «Вижу мысленным оком: через немного лет после войны восстанешь ты, родная страна, более сильная и могучая, чем когда бы то ни было, и не будет в мире такой угрозы, которая устранила бы тебя, победоносная Россия!»

Если вы пролистаете объемистый том «Русские писатели 20 века. Биографический словарь», изданный издательством «Большая Российская энциклопедия» в 2000 году, то найдете в нем статьи о многих сотнях советских русских писателей, от самых значительных и знаменитых до мало кому знакомых и ныне напрочь забытых. Авторы словаря утверждают, что

в их книгу попали писатели с высоким художественным уровнем своих произведений; учитывалась также «знаковость имен их авторов – в общенациональном и мировом сознании». Но в этой увесистой книге нет ни слова о русском писателе, чьи книги уже восемь десятилетий издаются в нашей стране и за рубежом громадными тиражами, – Александре Мелентьевиче Волкове. И при жизни, и после кончины он не был удостоен внимания литературных критиков и историков литературы, так и остался для них «неизвестным Волковым». По счастью, этого не случилось с миллионами читателей – детьми, многие из которых уже давно стали прадедушками и прабабушками.

Первая публикация Александра Волкова – стихотворения «Сонет» и «Мечты» появившиеся 16 января 1917 года в газете «Сибирский свет» города Томска. Их передал в редакцию дядя автора – священник Петр. Будущий отчаянный оптимист Волков, оказывается, в 16-летнем возрасте был переполнен пессимизмом:

*Ничто не радует меня,
Не веселит мой взор печальный.
На склоне прожитого дня
Я утомлен дорогой дальней.
Печально я гляжу вперед:
Не встречу ласкового взора.
И на закате дней моих
Ни слова дружбы, ни укора.
Не скажет мне мой друг былой —
Он скрыт холодный и немой
Стеной угрюмой и высокой.*

*А я один с кручиной злой
Брожу печальный и больной,
И мой конец уже недалек.*

Город Усть-Каменогорск, где родился 14 июня 1891 года, провел детство, учился, а потом работал учителем Волков, расположен при впадении в Иртыш реки Улыбы, на востоке Казахстана, среди Алтайских гор. Ныне в городе создан Детский музей имени А. М. Волкова.

Родимый край, далекий, милый, покинутый! Люблю твои широкие солнечные степи, где по седому ковылю, колеблемому ветром, бегут легкие волны... Люблю прохладу горных ущелий и звонкий голос речки, немолчно плещущей по камням, блестящей живым серебром на солнце, таинственно темнеющей в глубоких омутках... Люблю вспоминать одинокие ночи возле угасающего костра на берегу быстрого Иртыша, реки моего давно пролетевшего детства.

Александр Волков

Здание Томского учительского института. Здесь Александр Волков учился и преподавал в 1907–1910 годах.

Это было давно, очень давно, в 1910 году, чуть не две трети века назад, когда я приехал в ваш город учителем городского училища. Я был тогда в расцвете сил и молодости, передо мной разворачивалась увлекательная работа – учить и воспитывать девочек и мальчиков, устремлявших на меня со школьных парт внимательные глаза. И я принялся за эту работу со всем пылом юности, не жалея ни сил, ни времени. Я тогда не мыслил себе иного призвания, кроме педагогического, и годы, проведенные мною у вас, в Колывани, остались в моей памяти, как лучшие годы жизни. Я помню широкие безлюдные колывановские улицы, поросшие травой, ее дома старинного северного типа, тихий Чаус под крутым обрывом берега и стремительную Обь, куда с мальчишками-школьниками ходили в половодье... Из письма А. М. Волкова жителям Колывани, 1974 год

Семья Мелентия Михайловича и Соломеи Петровны Волковых. Конец 1890-х гг. Справа стоит мальчик с книгой – Александр Волков.

Город Колывань Томской губернии. Здесь Волков работал учителем в 1910–1913 годах.

Начну с категорического утверждения: всем, чего я достиг в жизни и, может быть, даже и своим долголетием я обязан тому, что в глубине Сибири, на берегу быстрой Томи стоит город Томск. Земной поклон ему за это – милому старому городу.

Александр Волков

Подспорьем литературного творчества Волкова была семья. Он и Калерия 30 июля 1940 года отметили 25-летие совместной жизни. Волков записывает: «Двадцать пять лет счастливой жизни с моей дорогой Галусей, моим ангелом-хранителем. Никаких официальных тор-

жестов, ни гостей; мы даже никому не сказали об этом дне и только наедине поздравили друг друга и выразили один другому свои чувства и пожелания».

Впервые Волков увидел свою будущую жену на праздновании нового 1915 года: «Я танцевать никогда не умел, танцевал только один раз в году – именно под Новый год – и танцевал вальс, кружась, как бог на душу положит. Я приглашал подряд всех учительниц и, дурачась, кружил их по залу. Но одну я не осмеливался пригласить. Мне сказали, что это учительница Семипалатинской гимназии Калерия Александровна Губина, приехавшая на зимние каникулы. Она была невысокая, очень тонкая и стройная, и вся какая-то воздушная – казалось, дунет ветерок и оторвет ее от полу. И к этой губернской звезде, блиставшей среди местных девиц и дам, не очень-то элегантных, я, неуклюжий увалень, не решился подойти и пригласить ее на танец».

Грозный и решительный день! Германия напала на СССР без объявления войны... Мы ничего не подозревали часов до 11 1/2, потом Боря сказал, что он слышал передачу из Германии (на английском языке), в которой сообщалось, что Германия минировала Балтийское и Черное моря в ответ на то, что СССР собрал войска на западной границе. В воздухе сразу запахло порохом, и когда через несколько минут Галюська прибежала и сказала, что

будет по радио выступить Молотов, то почти не осталось никаких сомнений в том, что происходит...

Гитлер узнает судьбу Наполеона, но война будет жестока и ужасна. В какое тревожное и ответственное время мы живем.

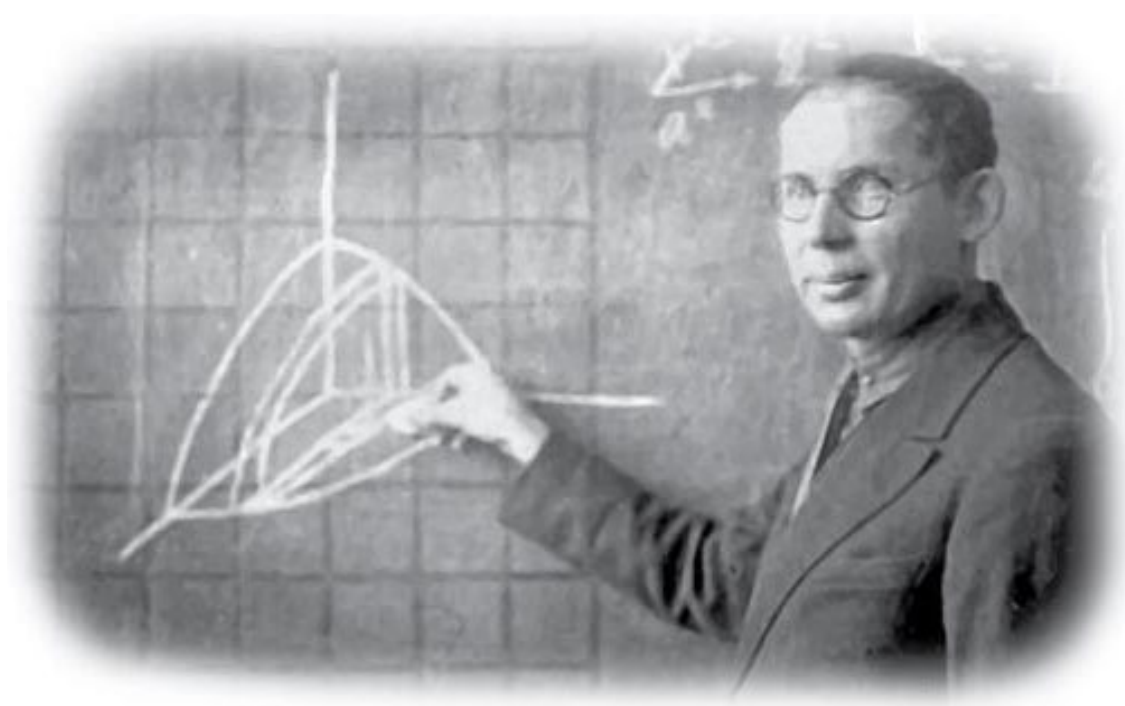
Из дневника А. М. Волкова, 22 июня 1941 г

В Москве 50-летний Александр Волков 2 июля 1941 г. записался в народное ополчение, но через несколько его вызвали в партком института и сказали, что его не отпускают на фронт: «Пишите, это ценнее».

В октябре 1943 года Волков вернулся из эвакуации в Москву. Здесь он продолжает преподавательскую деятельность на кафедре высшей математики Института цветных металлов и золота. Одновременно работает над книгой «Самолеты на войне».

Неожиданно 7 октября 1946 года скончалась жена Волкова – Карелия Александровна. Весной следующего года вдовец записывает: «Вот и май впервые встречаю без тебя, моя бесценная, радость моя, единственное мое сокровище... Настроение у меня все время убийственное, тоска грызет меня неукротимая, неутомимая... Ничего меня не радует, не веселит, все опостылело... Нервы у меня никуда не годны, каждый день плачу по многу раз. Единственное мое прибежище – письменный стол. Но и во время работы то и дело приходят ко мне воспоминания...».

Работая учителем, Волков экстерном закончил за один год Ярославский педагогический институт и за восемь месяцев Московский университет. Он стал доцентом на кафедре высшей математики в Московском институте цветных металлов и золота и вспоминал о своей преподавательской деятельности: «Логичность изложения, четкие и последовательные записи, изящные чертежи – это вело к тому, что студенты записывали мои лекции и по этим

запискам сдавали экзамены. Не очень это хорошо с точки зрения серьезной науки, зато практично, и потому студенты любили меня как лектора. Экзаменовал я довольно-таки строго, но справедливо, у меня не было любимчиков».

Я смотрю на Александра Мелентьевича – это математик. Но я же знаю его и другим. Это писатель и отличный рыболов, исключительный энтузиаст и мечтатель, громадный опыт и юношеская душа, это эрудит. Сколькими языками он владеет? Не знаю, по крайней мере, пятью. В сутках 24 часа. Работа над книгами, работа по математике, лекции студентам, поездки по стране... И все одновременно, и все сразу, и все глубоко. Чудеса? Нет, это под силу многим. Но в сутках 24 часа. Вы скажете: талант, талант. Да, но – труд, труд, труд.

Писатель Михаил Фарутин

В январе 1957 года, после почти полувековой преподавательской деятельности, Волков вышел на пенсию. Он записывает: «Скучал ли я по институту? Нет. Как видно, довольно с меня было педагогической работы. А главное, бросив занятия, я не оказался в пустом пространстве, как многие пенсионеры, имеющие одну профессию. Просто я стал отдавать литературе все свое время, и результаты получились поразительные».

Волков 3 августа 1973 года отпраздновал необычный юбилей – 30 000 прожитых им суток. Он вспоминал в этот день: «30 000. Сколько раз в эти дни смерть стояла у меня за плечами, но всегда проходила мимо, устремляясь к другим жертвам. Ведь я жил в такую бурную эпоху. Первая мировая война, гражданская, культ личности Сталина – страшное время, сгубившее сотни тысяч, а может быть и миллионы, невинных жизней, вторая мировая война... Через все многочисленные сциллы и харибды я прошел невредимо, меня провела через них моя благодетельница-судьба, чаще всего даже помимо моей воли. И вот наступил этот странный “математический” юбилей. Я рассказал о нем домашним, и они, смеясь, поздравили меня».

Волков вспоминал о сказке Баума: «Читал я ее впервые, если не ошибаюсь, в 1934 или 1935 году, и она очаровала меня своим сюжетом и какими-то удивительными милыми героями. Я прочитал сказку своим ребятам – Виве и Адику, и она им тоже страшно понравилась. Расстаться с книжкой (очень хорошо к тому же изданной) мне было жаль, и я очень долго держал ее у себя под разными предлогами и, наконец, решил перевести ее на русский язык, основательно при этом переработав. Работа увлекла меня, и я проделал ее в какие-нибудь две недели».

Фрэнк Лиман Браун любил по вечерам рассказывать четырем сыновьям истории, которые сам выдумывал. Главным их героем была девочка Дороти (такое имя он выбрал для своей будущей дочери), которую ураган занес в Волшебную страну.

Свою сказку о приключениях Дороти Баум отпечатал на пишущей машинке и показал своему другу художнику Уильяму Денслоу. Того она заинтересовала, и он нарисовал к ней много иллюстраций. Летом 1900 года вышла их совместная книжка «Мудрец из страны Оз», которая сразу же стала популярной. Дети заваливали писателя письмами, требуя продолжение сказки. Последняя четырнадцатая сказка вышла в 1920 году, уже после смерти писателя.

Волшебник Изумрудного города

Ураган

Среди обширной канзасской степи жила девочка Элли. Ее отец, фермер Джон, целый день работал в поле, а мать Анна хлопотала по хозяйству.

Жили они в небольшом фургоне, снятом с колес и поставленном на землю.

Обстановка домика была бедна: железная печка, шкаф, стол, три стула и две кровати. Рядом с домом, у самой двери, был выкопан «ураганный погреб». В погребе семья отсиживалась во время бурь.

Степные ураганы не раз опрокидывали легонькое жилище фермера Джона. Но Джон не унывал: когда утихал ветер, он поднимал домик, печка и кровати становились на места. Элли собирала с пола оловянные тарелки и кружки – и все было в порядке до нового урагана.

До самого горизонта расстилалась ровная, как скатерть, степь. Кое-где виднелись такие же бедные домики, как и домик Джона. Вокруг них были пашни, где фермеры сеяли пшеницу и кукурузу.

Элли хорошо знала всех соседей на три мили кругом. На западе проживал дядя Роберт с сыновьями Бобом и Диком. В домике на севере жил старый Рольф. Он делал детям чудесные ветряные мельницы.

Широкая степь не казалась Элли унылой: ведь это была ее родина, Элли не знала никаких других мест. Горы и леса она видела только на картинках, и они не манили ее, быть может, потому, что в дешевых Эллиных книжках были нарисованы плохо.

Когда Элли становилось скучно, она звала веселого песика Тотошку и отправлялась навещать Дика и Боба или шла к дедушке Рольфу, от которого никогда не возвращалась без самодельной игрушки.

Тотошка с лаем прыгал по степи, гонялся за воронами и был бесконечно доволен собой и своей маленькой хозяйкой. У Тотошки была черная шерсть, остренькие ушки и маленькие, забавно блестящие глазки. Тотошка никогда не скучал и мог играть с девочкой целый день.

У Элли было много забот. Она помогала матери по хозяйству, а отец учил ее читать, писать и считать, потому что школа находилась далеко, а девочка была еще слишком мала, чтобы ходить туда каждый день.

Однажды летним вечером Элли сидела на крыльце и читала вслух сказку. Анна стирала белье.

– «И тогда сильный, могучий богатырь Арнаульф увидел волшебника ростом с башню, – нараспев читала Элли, водя пальцем по строкам. – Из рта и ноздрей волшебника вылетал огонь...» Мамоchка, – спросила Элли, отрываясь от книги, – а теперь волшебники есть?

– Нет, моя дорогая. Жили волшебники в прежние времена, а потом перевелись. Да и к чему они. И без них хлопот довольно...

Элли смешно наморщила нос:

– А все-таки без волшебников скучно. Если бы я вдруг сделалась королевой, то обязательно приказала бы, чтобы в каждом городе и в каждой деревне был волшебник. И чтобы он совершал для детей всякие чудеса.

– Какие же, например? – улыбаясь, спросила мать.

– Ну, какие... Вот чтобы каждая девочка и каждый мальчик, просыпаясь утром, находили под подушкой большой сладкий пряник... Или... – Элли грустно посмотрела на свои грубые поношенные башмаки. – Или чтобы у всех детей были хорошенькие легкие туфельки.

– Туфельки ты и без волшебника получишь, – возразила Анна. – Поедешь с папой на ярмарку, он и купит...

Пока девочка разговаривала с матерью, погода начала портиться.

* * *

Как раз в это самое время в далекой стране, за высокими горами колдовала в угрюмой глубокой пещере злая волшебница Гингема.

Страшно было в пещере Гингема. Там под потолком висело чучело огромного крокодила. На высоких шестах сидели большие филины, с потолка свешивались связки сушеных мышей, привязанных к веревочкам за хвостики, как луковки. Длинная толстая змея обвилась вокруг столба и равномерно качала плоской головой. И много еще всяких странных и жутких вещей было в обширной пещере Гингема.

В большом закопченном котле Гингема варила волшебное зелье. Она бросала в котел мышей, отрывая одну за другой от связки.

– Куда это подевались змеиные головы? – злобно ворчала Гингема. – Не все же я съела за завтраком!.. А, вот они, в зеленом горшке! Ну, теперь зелье выйдет на славу!.. Достанется же этим проклятым людям! Ненавижу я их! Расселились по свету! Осушили болота! Вырубили чащи!.. Всех лягушек вывели!.. Змей уничтожают! Ничего вкусного на земле не осталось! Разве только червячком полакомишься!..

Гингема погрозила в пространство костлявым иссохшим кулаком и стала бросать в котел змеиные головы.

– Ух, ненавистные люди! Вот и готово мое зелье на погибель вам! Окроплю леса и поля, и поднимется, буря, какой еще на свете не бывало!

Гингема подхватила котел за «ушки» и с усилием вытащила его из пещеры. Она опустила в котел большое помело и стала расплескивать вокруг свое варево.

– Разразись, ураган! Лети по свету, как бешеный зверь! Рви, ломай, круши! Опрокидывай дома, поднимай на воздух! Сусака, масака, лэма, рэма, гэма!.. Буридо, фуридо, сэма, пэма, фэма!..

Она выкрикивала волшебные слова и брызгала вокруг растрепанным помелом, и небо омрачалось, собирались тучи, начинал свистеть ветер. Вдали блестели молнии...

– Круши, рви, ломай! – дико вопила колдунья. – Сусака, масака, буридо, фуридо! Уничтожай, ураган, людей, животных, птиц! Только лягушечек, мышек, змеек, паучков не трогай, ураган! Пусть они по всему свету размножатся на радость мне, могучей волшебнице Гингеме! Буридо, фуридо, сусака, масака!

И вихрь завывал все сильнее и сильнее, сверкали молнии, оглушительно грохотал гром.

Гингема в диком восторге кружилась на месте, и ветер развеивал полы ее длинной мантии...

* * *

Вызванный волшебством Гингема ураган донесся до Канзаса и с каждой минутой приближался к домику Джона. Вдали у горизонта сгущались тучи, поблескивали молнии.

Тотошка беспокойно бегал, задрав голову, и задорно лаял на тучи, которые быстро мчались по небу.

– Ой, Тотошка, какой ты смешной, – сказала Элли. – Пугаешь тучи, а ведь сам трусишь!

Песик и в самом деле очень боялся гроз. Он их уже немало видел за свою недолгую жизнь. Анна забеспокоилась.

– Заболталась я с тобой, дочка, а ведь, смотри-ка, надвигается самый настоящий ураган...

Вот уже ясно стал слышен грозный гул ветра. Пшеница на поле прилегла к земле, и по ней, как по реке, покатались волны. Прибежал с поля взволнованный фермер Джон.

– Буря, идет страшная буря! – закричал он. – Прячьтесь скорее в погреб, а я побегу загоню скот в сарай!

Анна бросилась к погребу, откинула крышку.

– Элли, Элли! Скорей сюда! – кричала она.

Но Тотошка, перепуганный ревом бури и беспрестанными раскатами грома, убежал в домик и спрятался там под кровать, в самый дальний угол. Элли не хотела оставить своего любимца одного и бросилась за ним в фургон.

И в это время случилась удивительная вещь. Домик повернулся два или три раза, как карусель. Он оказался в самой середине урагана. Вихрь закружил его, поднял вверх и понес по воздуху.

В дверях фургона показалась испуганная Элли с Тотошкой на руках. Что делать? Спрыгнуть на землю? Но было уже поздно: домик летел высоко над землей...

Канзас – штат в центральной части США. Его называют «житницей Америки»: он лидирует по выращиванию пшеницы. На языке индейцев,

населявших Канзас, название штата означает «люди южного ветра». Равнинный Канзас не защищен как от вторжений холодного воздуха из Канады, так и от теплого ветра с юга. При столкновении этих воздушных масс образуются сильные ураганы и возникают торнадо.

Девочка Элли Смит из Канзаса – главный персонаж первых трех сказок Александра Волкова, и у нее есть родители Джон и Анна. У Баума девочку зовут Дороти Гейл, и она – сирота, живущая с дядей Генри и тетей Эм.

Ветер трепал волосы Анны. Она стояла возле погребца, протягивала вверх руки и отчаянно кричала. Прибежал из сарая фермер Джон и бросился к тому месту, где стоял фургон. Осиротевшие отец и мать долго смотрели в темное небо, поминутно освещаемое блеском молний...

Ураган все бушевал, и домик, покачиваясь, несясь по воздуху. Тотошка, потрясенный тем, что творилось вокруг, бегал по темной комнате с испуганным лаем. Элли, растерянная, сидела на полу, схватившись руками за голову. Она чувствовала себя очень одинокой. Ветер гулял так, что оглушал ее. Ей казалось, что домик вот-вот упадет и разобьется. Но время шло, а домик все еще летел. Элли вскарабкалась на кровать и легла, прижав к себе Тотошку. Под гул ветра, плавно качавшего домик, Элли крепко заснула.

Дорога из желтого кирпича

Элли в удивительной стране Жевунов

Элли проснулась оттого, что песик лизал ей лицо горячим мокрым язычком и скулил. Сначала ей показалось, что она видела удивительный сон, и Элли уже собралась рассказать о нем матери. Но, увидев опрокинутые стулья, валявшуюся на полу печку, Элли поняла, что все было наяву.

Девочка спрыгнула с постели. Домик не двигался. Солнце ярко светило в окно. Элли подбежала к двери, распахнула ее и вскрикнула от удивления.

Ураган занес домик в страну необычайной красоты. Вокруг расстилалась зеленая лужайка, по краям ее росли деревья со спелыми сочными плодами; на полянках виднелись клумбы красивых розовых, белых и голубых цветов. В воздухе порхали крошечные птицы, сверкавшие ярким оперением. На ветках деревьев сидели золотисто-зеленые и красногрудые попугаи и кричали высокими странными голосами. Невдалеке журчал прозрачный поток, в воде резвились серебристые рыбки.

Пока девочка нерешительно стояла на пороге, из-за деревьев появились самые забавные и милые человечки, каких только можно вообразить. Мужчины, одетые в голубые бархатные кафтаны и узкие панталоны, ростом были не выше Элли; на ногах у них блестели голубые ботфорты с отворотами. Но больше всего Элли понравились остроконечные шляпы: их верхушки украшали хрустальные шарики, а под широкими полями нежно звенели маленькие бубенчики.

Старая женщина в белой мантии важно выступала впереди трех мужчин; на остроконечной шляпе ее и на мантии сверкали крошечные звездочки. Седые волосы старушки падали ей на плечи.

Вдали, за плодовыми деревьями, виднелась целая толпа маленьких мужчин и женщин; они стояли, перешептываясь и переглядываясь, но не решались подойти ближе.

Подойдя к девочке, эти робкие маленькие люди приветливо и несколько боязливо улыбнулись Элли, но старушка смотрела на нее с явным недоумением. Трое мужчин дружно двинулись вперед и разом сняли шляпы. «Дзинь-дзинь-дзинь!» – прозвенели бубенчики. Элли заметила, что челюсти маленьких мужчин беспрестанно двигались, как будто что-то пережевывая.

Старушка обратилась к Элли:

– Скажи мне, как ты очутилась в стране Жевунов, милое дитя?

– Меня принес сюда ураган в этом домике, – робко ответила Элли.

– Странно, очень странно! – покачала головой старушка, – Сейчас ты поймешь мое недоумение. Дело было так. Я узнала, что злая волшебница Гингема выжила из ума и захотела погубить человеческий род и населить землю крысами и змеями. И мне пришлось употребить все мое волшебное искусство...

– Как, сударыня! – со страхом воскликнула Элли. – Вы волшебница? А как же мама говорила мне, что теперь нет волшебников?

– Где живет твоя мама?

– В Канзасе.

– Никогда не слыхала такого названия, – сказала волшебница, поджав губы. – Но что бы ни говорила твоя мама, в этой стране живут волшебники и мудрецы. Нас здесь было четыре волшебницы. Две из нас – волшебница Желтой страны (это я, Виллина!) и волшебница Розовой страны Стелла – добрые. А волшебница Голубой страны Гингема и волшебница Фиолетовой страны Бастинда – очень злые. Твой домик раздавил Гингему, и теперь осталась только одна злая волшебница в нашей стране.

Элли была изумлена. Как могла уничтожить злую волшебницу она, маленькая девочка, не убившая в своей жизни даже воробья?

Элли сказала:

– Вы, конечно, ошибаетесь: я никого не убивала.

– Я тебя в этом и не виню, – спокойно возразила волшебница Виллина. – Ведь это я, чтобы спасти людей от беды, лишила ураган разрушительной силы и позволила ему захватить только один домик, чтобы сбросить его на голову коварной Гингемы, потому что вычитала в моей волшебной книге, что он всегда пустует в бурю...

Элли смущенно ответила:

– Это правда, сударыня, во время ураганов мы прячемся в погреб, но я побежала в домик за моей собачкой...

– Такого безрассудного поступка моя волшебная книга никак не могла предвидеть! – огорчилась волшебница Виллина. – Значит, во всем виноват этот маленький зверь...

– Тотошка, ав-ав, с вашего позволения, сударыня! – неожиданно вмешался в разговор песик. – Да, с грустью признаюсь, это я во всем виноват...

– Как, ты заговорил, Тотошка? – с удивлением вскрикнула Элли.

– Не знаю, как это получается, Элли, но, ав-ав, из моего рта невольно вылетают человеческие слова...

– Видишь ли, Элли, – объяснила Виллина, – в этой чудесной стране разговаривают не только люди, но и все животные и даже птицы. Посмотри вокруг, нравится тебе наша страна?

– Она недурна, сударыня, – ответила Элли, – но у нас дома лучше. Посмотрели бы вы на наш скотный двор! Посмотрели бы вы на нашу Пестрянку, сударыня! Нет, я хочу вернуться на родину, к маме и папе...

– Вряд ли это возможно, – сказала волшебница. – Наша страна отделена от всего света пустыней и огромными горами, через которые не переходил ни один человек. Боюсь, моя крошка, что тебе придется остаться с нами.

Глаза Элли наполнились слезами. Добрые Жевуны очень огорчились и тоже заплакали, утирая слезы голубыми носовыми платочками. Жевуны сняли шляпы и поставили их на землю, чтобы бубенчики своим звоном не мешали им рыдать.

– А вы совсем-совсем не поможете мне? – грустно спросила Элли.

– Ах, да, – спохватилась Виллина, – я совсем забыла, что моя волшебная книга при мне. Надо посмотреть в нее: может быть, я там что-нибудь вычитаю полезное для тебя...

Виллина вынула из складок одежды крошечную книжку величиной с наперсток. Волшебница подула на нее, и на глазах удивленной и немного испуганной Элли книга начала расти, расти и превратилась в громадный том. Он был так тяжел, что старушка положила его на большой камень.

Виллина смотрела на листы книги, и они сами переворачивались под ее взглядом.

– Нашла, našла! – воскликнула вдруг волшебница и начала медленно читать: – «Бамбара, чуфара, скорики, морики, турабо, фурабо, лорики, ёрики... Великий Волшебник Гудвин вернет домой маленькую девочку, занесенную в его страну ураганом, если она поможет трем существам добиться исполнения их самых заветных желаний, пикапу, трикапу, ботало, мотало...»

– Пикапу, трикапу, ботало, мотало... – в священном ужасе повторяли Жевуны.

– А кто такой Гудвин? – спросила Элли.

– О, это самый Великий Мудрец нашей страны, – прошептала старушка. – Он могущественнее всех нас и живет в Изумрудном городе.

– А он злой или добрый?

– Этого никто не знает. Но ты не бойся, разыщи три существа, исполни их заветные желания, и Волшебник Изумрудного города поможет тебе вернуться в твою страну!

– Где Изумрудный город? – спросила Элли.

– Он в центре страны. Великий Мудрец и Волшебник Гудвин сам построил его и управляет им. Но он окружил себя необычайной таинственностью, и никто не видел его после постройки города, а она закончилась много-много лет назад.

– Как же я дойду до Изумрудного города?

– Дорога далека. Не везде страна хороша, как здесь. Есть темные леса со страшными зверями, есть быстрые реки – переправа через них опасна...

– Не пойдете ли вы со мной? – спросила девочка.

– Нет, дитя мое, – ответила Виллина. – Я не могу надолго покидать Желтую страну. Ты должна идти одна. Дорога в Изумрудный город вымощена желтым кирпичом, и ты не заблудишься. Когда придешь к Гудвину, проси у него помощи...

– А долго мне придется здесь прожить, сударыня? – спросила Элли, опустив голову.

– Не знаю, – ответила Виллина. – Об этом ничего не сказано в моей волшебной книге. Иди, ищи, борись! Я буду время от времени заглядывать в волшебную книгу, чтобы знать, как идут твои дела... Прощай, моя дорогая!

Виллина наклонилась к огромной книге, и та тотчас сжалась до размеров наперстка и исчезла в складках мантии. Налетел вихрь, стало темно, и, когда мрак рассеялся, Виллины уже не было: волшебница исчезла. Элли и Жевуны задрожали от страха, и бубенчики на шляпах маленьких людей зазвенели сами собой.

Когда все немного успокоились, самый смелый из Жевунов, их старшина, обратился к Элли:

– Могушественная фея! Приветствуем тебя в Голубой стране! Ты убила злую Гингему и освободила Жевунов!

Элли сказала:

– Вы очень любезны, но тут ошибка: я не фея. И ведь вы же слышали, что мой домик упал на Гингему по приказу волшебницы Виллины...

– Мы этому не верим, – упрямо возразил старшина Жевунов. – Мы слышали твой разговор с доброй волшебницей, ботало, мотало, но мы думаем, что и ты могушественная фея. Ведь только феи могут разъезжать по воздуху в своих домиках, и только фея могла освободить нас от Гингемы, злой волшебницы Голубой страны. Гингема много лет правила нами и заставляла нас работать день и ночь...

Виллина – добрая волшебница, живущая в Желтой стране и обладающая чудесной книгой, из которой черпает знания и заклинания. Прообразом Виллины является Добрая Волшебница Севера из сказки Баума. Она колдует совсем по-иному: снимает свою шляпу, ставит ее себе на нос и торжественным голосом произносит: «Раз! Два! Три!», после чего шляпа превращается в грифельную доску, на которой написан совет девочке Дороти: идти в Изумрудный город.

Гингема – костлявая злая волшебница, повелительница ураганов и правительница Голубой страны Живунов, сестра другой злой колдуньи – Бастинды. Прообразом Гингемы является Злая Ведьма Востока из сказки Баума.

- Она заставляла нас работать день и ночь! – хором сказали Жевуны.
- Она приказывала нам ловить пауков и летучих мышей, собирать лягушек и пиявок по канавам. Это были ее любимые кушанья...
- А мы, – заплакали Жевуны, – мы очень боимся пауков и пиявок!
- О чем же вы плачете? – спросила Элли. – Ведь все это прошло!
- Правда, правда! – Жевуны дружно рассмеялись, и бубенчики на их шляпах зазвенели.
- Могушественная госпожа Элли! – заговорил старшина. – Хочешь стать нашей повелительницей вместо Гингемы? Мы уверены, что ты очень добра и не слишком часто станешь нас наказывать!..

– Нет, – возразила Элли, – я только маленькая девочка и не гоюсь в правительницы страны. Если вы хотите помочь мне, дайте возможность исполнить ваши заветные желания!

– У нас было единственное желание избавиться от злой Гингема, пикапу, трикапу! Но твой домик – крак! крак! – раздавил ее, и у нас больше нет желаний!.. – сказал старшина.

– Тогда мне нечего здесь делать. Я пойду искать тех, у кого есть желания. Только вот башмаки у меня очень уж старые и рваные – они не выдержат долгого пути. Правда, Тотошка? – обратилась Элли к песику.

– Конечно, не выдержат, – согласился Тотошка. – Но ты не горюй, Элли, я тут неподалеку видел кое-что и помогу тебе!

– Ты? – удивилась девочка.

– Да, я! – с гордостью ответил Тотошка и исчез за деревьями. Через минуту он вернулся с красивым серебряным башмачком в зубах и торжественно положил его у ног Элли. На башмачке блестела золотая пряжка.

– Откуда ты его взял? – изумилась Элли.

– Сейчас расскажу! – отвечал запыхавшийся песик, скрылся и вновь вернулся с другим башмачком.

– Какая прелесть! – восхищенно сказала Элли и примерила башмачки, – они как раз пришлись ей по ноге, точно были на нее сшиты.

– Когда я бегал на разведку, – важно начал Тотошка, – я увидел за деревьями большое черное отверстие в горе...

– Ай-ай-ай! – в ужасе закричали Жевуны. – Ведь это вход в пещеру злой волшебницы Гингема! И ты осмелился туда войти?..

– А что тут страшного? Ведь Гингема-то умерла! – возразил Тотошка.

– Ты, должно быть, тоже волшебник! – со страхом молвил старшина; все другие Жевуны согласно закивали головами, и бубенчики под шляпами дружно зазвенели.

– Вот там-то, войдя в эту, как вы ее называете, пещеру, я увидел много смешных и странных вещей, но больше всего мне понравились стоящие у входа башмачки. Какие-то большие птицы со страшными желтыми глазами пытались помешать мне взять башмачки, но разве Тотошка испугается чего-нибудь, когда он хочет услужить своей Элли?

– Ах, ты, мой милый смельчак! – воскликнула Элли и нежно прижала песика к груди. – В этих башмачках я пройду без усталости сколько угодно...

– Это очень хорошо, что ты получила башмачки злой Гингема, – перебил ее старший Жевун. – Кажется, в них заключена волшебная сила, потому что Гингема надевала их только в самых важных случаях. Но какая это сила, мы не знаем... И ты все-таки уходишь от нас, милостивая госпожа Элли? – со вздохом спросил старшина. – Тогда мы принесем тебе что-нибудь поесть на дорогу.

Жевуны ушли, и Элли осталась одна. Она нашла в домике кусок хлеба и съела его на берегу ручья, запивая прозрачной холодной водой. Затем она стала собираться в далекий путь, а Тотошка бегал под деревом и старался схватить сидящего на нижней ветке крикливого пестрого попугая, который все время дразнил его.

Элли вышла из фургона, заботливо закрыла дверь и написала на ней мелом: «Меня нет дома».

Тем временем вернулись Жевуны. Они натащили столько еды, что Элли хватило бы ее на несколько лет. Здесь были бараны, жареные гуси и утки, корзина с фруктами...

Элли со смехом сказала:

– Ну, куда мне столько, друзья мои?

Она положила в корзину немного хлеба и фруктов, попрощалась с Жевунами и смело отправилась в путь с веселым Тотошкой.

* * *

Неподалеку от домика было перепутье: здесь расходились несколько дорог. Элли выбрала дорогу, вымощенную желтым кирпичом, и бодро зашагала по ней. Солнце сияло, птички пели, и маленькая девочка, заброшенная в удивительную чужую страну, чувствовала себя совсем неплохо.

Дорога была огорожена с обеих сторон красивыми голубыми изгородями. За ними начинались возделанные поля. Кое-где виднелись круглые домики. Крыши их были похожи на остроконечные шляпы Жевунов. На крышах сверкали хрустальные шарики. Домики были выкрашены в голубой цвет.

На полях работали маленькие мужчины и женщины; они снимали шляпы и приветливо кланялись Элли. Ведь теперь каждый Жевун знал, что девочка в серебряных башмачках освободила их страну от злой волшебницы, опустив свой домик – крак! крак! – прямо ей на голову.

Все Жевуны, которых встречала Элли на пути, с боязливым удивлением смотрели на Тотошку и, слыша его лай, затыкали уши. Когда же веселый песик подбегал к кому-нибудь из Жевунов, тот удирал от него во весь дух: в стране Гудвина совсем не было собак.

К вечеру, когда Элли проголодалась и подумывала, где провести ночь, она увидела у дороги большой дом. На лужайке перед домом плясали маленькие мужчины и женщины. Музыканты усердно играли на маленьких скрипках и флейтах. Тут же резвились дети, такие крошечные, что Элли глаза раскрыла от изумления: они походили на кукол. На террасе были расставлены длинные столы с вазами, полными фруктов, орехов, конфет, вкусных пирогов и больших тортов.

Завидев Элли, из толпы танцующих вышел красивый высокий старик (он был на целый палец выше Элли) и с поклоном сказал:

– Я и мои друзья празднуем сегодня освобождение нашей страны от злой волшебницы. Осмелюсь ли просить могущественную фею Убивающего Домика принять участие в нашем пире?

– Почему вы думаете, что я фея? – спросила Элли.

– Ты раздавила злую волшебницу Гингему – крак! крак! – как пустую яичную скорлупу; на тебе ее волшебные башмаки; с тобой удивительный зверь, какого мы никогда не видели, и, по рассказам наших друзей, он тоже одарен волшебной силой...

На это Элли не сумела ничего возразить и пошла за стариком, которого звали Прем Кокус. Ее встретили, как королеву, и бубенчики непрестанно звенели, и были бесконечные танцы, и было съедено великое множество пирожных и выпито бесчисленное количество прохладительного, и весь вечер прошел так весело и приятно, что Элли вспомнила о папе и маме, только засыпая в постели.

Утром, после сытного завтрака, она спросила Кокуса:

– Далеко ли отсюда до Изумрудного города?

– Не знаю, – задумчиво ответил старик. – Я никогда не бывал там. Лучше держаться подальше от Великого Гудвина, особенно если не имеешь к нему важного дела. Да и дорога до Изумрудного города длинная и трудная. Тебе придется проходить темные леса и переправляться через быстрые глубокие реки.

Элли немного огорчилась, но она знала, что только Великий Гудвин вернет ее в Канзас, и поэтому распрощалась с друзьями и снова отправилась в путь по дороге, вымощенной желтым кирпичом.

Страшила

Элли шла уже несколько часов и устала. Она присела отдохнуть у голубой изгороди, за которой расстилось поле спелой пшеницы.

Около изгороди стоял длинный шест, на нем торчало соломенное чучело – отгонять птиц. Голова чучела была сделана из мешочка, набитого соломой, с нарисованными на нем глазами и ртом, так что получалось смешное человеческое лицо. Чучело было одето в поношенный голубой кафтан; кое-где из прорех кафтана торчала солома. На голове была старая потертая шляпа, с которой были срезаны бубенчики, на ногах – старые голубые ботфорты, какие носили мужчины в этой стране.

У Баума собачка Тото в первой повести не умеет разговаривать. Черный песик Тотошка у Волкова обретает человеческий голос. «Мне казалось, – рассказывал писатель, – что в волшебной стране, где разговаривают не только птицы и звери, но даже люди из железа и соломы, умный и верный Тотошка должен говорить».

Страшила – соломенное чучело, мечтающее получить мозги, первый друг Элли на пути к Изумрудному городу. В сказке Баума собственного имени у этого огородного пугала нет. По характеру Страшила обаятелен и находчив, как ребенок добродушен и хвастлив, любит петь. Волков признавался, что Страшила – его самый любимый герой.

Чучело имело забавный и вместе с тем добродушный вид.

Элли внимательно разглядывала смешное разрисованное лицо чучела и удивилась, увидев, что оно вдруг подмигнуло ей правым глазом. Она решила, что ей почудилось: ведь чучела никогда не мигают в Канзасе. Но фигура закивала головой с самым дружеским видом.

Элли испугалась, а храбрый Тотошка с лаем набросился на изгородь, за которой был шест с чучелом.

– Спокойной ночи! – сказал чучело немного хриплым голосом. – Простите, я хотел сказать – добрый день!

– Ты умеешь говорить? – удивилась Элли.

– Не очень хорошо, – призналось чучело. – Еще путаю некоторые слова, ведь меня так недавно сделали. Как ты поживаешь?

– Спасибо, хорошо! Скажи, нет ли у тебя заветного желания?

– У меня? О, у меня целая куча желаний! – И чучело скороговоркой начало перечислять: – Во-первых, мне нужны серебряные бубенчики на шляпу, во-вторых, мне нужны новые сапоги, в-третьих...

– О, хватит, хватит, – перебила Элли. – Какое из них самое-самое заветное?

– Самое-самое? – Чучело задумалось. – Чтобы меня посадили на кол!

– Да ты и так сидишь на колу, – рассмеялась Элли.

– А ведь и в самом деле, – согласилось чучело. – Видишь, какой я путник... то есть нет, путаник. Значит, меня нужно снять. Очень скучно торчать здесь день и ночь и пугать противных ворон, которые, кстати сказать, совсем меня не боятся.

Элли наклонил кол и, вцепившись обеими руками в чучело, стащила его.

– Чрезвычайно сознателен... то есть признателен, – пропыхтело чучело, очутившись на земле. – Я чувствую себя прямо новым человеком. Если бы еще получить серебряные бубенчики на шляпу да новые сапоги!

Чучело заботливо расправило кафтан, стряхнуло с себя соломинки и, шаркнув ножкой по земле, представилось девочке:

– Страшила!

– Что ты говоришь? – не поняла Элли.

– Я говорю: Страшила. Это меня так называли: ведь я должен пугать ворон. А тебя как зовут?

– Элли.

– Красивое имя! – сказал Страшила.

Элли смотрела на него с удивлением. Она не могла понять, как чучело, набитое соломой и с нарисованным лицом, ходит и говорит.

Но тут возмутился Тотошка и с негодованием воскликнул:

– А почему ты со мной не здороваешься?

– Ах, виноват, виноват! – извинился Страшила и пожал песику лапу. – Честь имею представиться: Страшила!

– Очень приятно! А я Тото! Но близким друзьям позволительно звать меня Тотошкой!

– Ах, Страшила, как я рада, что исполнила самое заветное твое желание! – сказала Элли.

– Извини, Элли, – Страшила снова шаркнул ножкой, – но я, оказывается, ошибся. Мое самое заветное желание – получить мозги!

– Мозги?

– Ну да, мозги. Очень хорошо, простите, неприятно, когда голова у тебя набита соломой...

– Как же тебе не стыдно обманывать? – с упреком спросила Элли.

– А что значит – обманывать? Меня сделали только вчера, и я ничего не знаю...

– Откуда же ты узнал, что у тебя в голове солома, а у людей – мозги?

– Это мне сказала одна ворона, когда я с ней ссорился. Дело, видишь ли, Элли, было так. Сегодня утром поблизости от меня летала большая взъерошенная ворона и не столько клевала пшеницу, сколько выбивала из нее на землю зерна. Потом она нахально уселась на мое плечо и клюнула меня в щеку. «Кагги-карр! – насмешливо прокричала ворона. – Вот так чучело! Толку-то от него ничуть! Какой это чудак фермер думал, что мы, вороны, будем его бояться?..» Ты понимаешь, Элли, я страшно рассмеялся... то есть рассердился и изо всех сил пытался заговорить. И какова была моя радость, когда это мне удалось. Но, понятно, у меня сначала выходило не очень складно. «Пш... пш... пшла прочь, гадкая! – закричал я. – Не... не... не смей клевать меня! Я прт... шрт... я страшный!» Я даже сумел ловко сбросить ворону

с плеча, схватив ее за крыло рукой. Ворона, впрочем, ничуть не смутилась и принялась нагло клевать колосья прямо передо мной. «Эка, удивил! – сказала она. – Точно я не знаю, что в стране Гудвина и чучело сможет заговорить, если сильно захочет! А все равно я тебя не боюсь! С шеста ведь не слезешь!» – «Пшш... пшш... Пшла! Ах, я, несчастный», – чуть не захохотал... простите, зарыдал я. И, правда, куда я годеи? Даже поля от ворон убереечь не могу. И слова все время говорю не те, что нужно.

– При всем своем нахальстве, эта ворона была, по-видимому, добрая птица, – продолжал Страшила. – Ей стало меня жаль. «А ты не печалься так! – хрипло сказала она мне. – Если бы у тебя были мозги в голове, ты был бы как все люди! Мозги – единственно стоящая вещь у вороны... и у человека!» Вот так-то я и узнал, что у людей бывают мозги, а у меня их нет. Я грустно... то есть весело, закричал: «Эй-гей-гей-го! Да здравствуют мозги! Я себе обязательно их раздобуду!» Но ворона очень капризная птица, и она сразу охладила мою радость. «Кагги-карр!.. – захохотала она. – Коли нет мозгов, так и не будет! Карр-карр!..» И она улетела, а вскоре пришли вы с Тотошкой, – закончил Страшила свой рассказ. – Вот теперь, Элли, скажи: сможешь ты дать мне мозги?

– Нет, что ты! Это может сделать разве только Гудвин в Изумрудном городе. Я как раз сама иду к нему просить, чтобы он вернул меня в Канзас, к папе и маме.

– А где это Изумрудный город и кто такой Гудвин?

– Разве ты не знаешь?

– Нет, – печально ответил Страшила. – Я ничего не знаю. Ты же видишь, я набит соломой и у меня совсем нет мозгов.

– Ох, как мне тебя жалко! – вздохнула девочка.

– Спасибо! А если я пойду с тобой в Изумрудный город, Гудвин обязательно даст мне мозги?

– Не знаю. Но если Великий Гудвин и не даст тебе мозгов, хуже не будет, чем теперь.

– Это верно, – сказал Страшила. – Видишь ли, – доверчиво продолжал он, – меня нельзя ранить, так как я набит соломой. Ты можешь насквозь проткнуть меня иглой, и мне не будет больно. Но я не хочу, чтобы люди называли меня глупцом, а разве без мозгов чему-нибудь научишься?

– Бедный! – сказала Элли. – Пойдем с нами! Я попрошу Гудвина помочь тебе.

– Здравствуйте!.. Ох, спасибо! – поправился Страшила и снова раскланялся.

Право, для чучела, прожившего на свете один только день, он был удивительно вежлив.

Девочка помогла Страшילה сделать первые два шага, и они вместе пошли в Изумрудный город по дороге, вымощенной желтым кирпичом.

Сначала Тотошке не нравился новый спутник. Он бегал вокруг чучела и обнюхивал его, считая, что в соломе внутри кафтана есть мышинное гнездо. Он недружелюбно лаял на Страшилу и делал вид, что хочет его укусить.

– Не бойся Тотошки, – сказала Элли, – он не укусит тебя.

– Да я и не боюсь! Разве можно укусить солому? Дай я понесу твою корзинку. Мне это нетрудно: я ведь не могу устать. Скажу тебе по секрету, – прошептал он на ухо девочке своим хриловатым голосом, – есть только одна вещь на свете, которой я боюсь.

– О! – воскликнула Элли. – Что же это такое? Мышь?

– Нет! Горящая спичка!

* * *

Через несколько часов дорога стала неровной; Страшила часто спотыкался. Попадались ямы. Тотошка перепрыгивал через них, а Элли обходила кругом. Но Страшила шел прямо,

падал и растягивался во всю длину. Он не ушибался. Элли брала его за руку, поднимала, и Страшила шагал дальше, смеясь над своей неловкостью.

Потом Элли подобрала у края дороги толстую ветку и предложила ее Страшиле вместо трости. Тогда дело пошло лучше, и походка Страшилы стала тверже.

Домики попадались все реже, плодовые деревья совсем исчезли. Страна становилась безлюдной и угрюмой.

Путники уселись у ручейка. Элли достала хлеб и предложила кусочек Страшиле, но он вежливо отказался.

– Я никогда не хочу есть. И это очень удобно для меня.

Элли не настаивала и отдала кусок Тотошке: песик жадно проглотил его и стал на задние лапки, прося еще.

– Расскажи мне о себе, Элли, о своей стране, – попросил Страшила.

Элли долго рассказывала о широкой канзасской степи, где летом все так серо и пыльно и все совершенно не такое, как в этой удивительной стране Гудвина.

Страшила слушал внимательно.

– Я не понимаю, почему ты хочешь вернуться в свой сухой и пыльный Канзас.

– Ты потому не понимаешь, что у тебя нет мозгов, – горячо ответила девочка. – Дома всегда лучше.

Страшила лукаво улыбнулся:

– Солома, которой я набит, выросла в поле, кафтан сделал портной, сапоги сшил сапожник. Где же мой дом? На поле, у портного или у сапожника?

Элли растерялась и не знала, что ответить. Несколько минут сидела молча.

– Может быть, теперь ты мне расскажешь что-нибудь? – спросила девочка.

Страшила взглянул на нее с упреком:

– Моя жизнь так коротка, что я ничего не знаю. Ведь меня сделали только вчера, и я понятия не имею, что было раньше на свете. К счастью, когда хозяин делал меня, он, прежде всего, нарисовал мне уши, и я мог слышать, что делается вокруг. У хозяина гостил другой Жевун, и первое, что я услышал, были его слова: «А ведь уши-то велики!» – «Ничего! В самый раз!» – ответил хозяин и нарисовал мне правый глаз.

Я с любопытством начал разглядывать все, что делается вокруг, так как – ты понимаешь – ведь я первый раз смотрел на мир.

«Подходящий глазок! – сказал гость. – Не пожалел голубой краски!»

«Мне кажется, другой вышел немного больше», – сказал хозяин, кончив рисовать мой второй глаз.

Потом он сделал мне из заплатки нос и нарисовал рот, но я не умел еще говорить, потому что не знал, зачем у меня рот. Хозяин надел на меня свой костюм и шляпу, с которой ребята срезали бубенчики. Я был страшно горд. Мне казалось, что я выгляжу как настоящий человек.

«Этот парень будет чудесно пугать ворон», – сказал фермер.

«Знаешь что? Назови его Страшилой!» – посоветовал гость, и хозяин согласился.

Дети фермера весело закричали: «Страшила! Страшила! Пугай ворон!»

Меня отнесли на поле, проткнули шестом и оставили одного. Было скучно висеть, но слезть я не мог. Вчера птицы еще боялись меня, но сегодня уже привыкли. Тут я и познакомился с доброй вороной, которая рассказала мне про мозги. Вот было бы хорошо, если бы Гудвин дал их мне...

– Я думаю, он тебе поможет, – подбодрила его Элли.

– Да, да! Неудобно чувствовать себя глупцом, когда даже вороны смеются над тобой.

– Идем! – сказала Элли, встала и подала Страшиле корзинку.

К вечеру путники вошли в большой лес. Ветви деревьев низко спускались и загораживали дорогу, вымощенную желтым кирпичом. Солнце зашло, и стало совсем темно.

– Если увидишь домик, где можно переночевать, скажи мне, – попросила Элли сонным голосом. – Очень неудобно и страшно идти в темноте.

Скоро Страшила остановился.

– Я вижу справа маленькую хижину. Пойдем туда?

– Да, да! – ответила Элли. – Я так устала!..

Они свернули с дороги и скоро дошли до хижины. Элли нашла в углу постель из мха и сухой травы и сейчас же уснула, обняв Тотошку. А Страшила сидел на пороге, оберегая покой обитателей хижины.

Оказалось, что Страшила караулил не напрасно. Ночью какой-то зверь с белыми полосками на спине и на черной свиной мордочке попытался проникнуть в хижину. Скорее всего, его привлек запах съестного из Эллиной корзинки, но Страшילה показалось, что Элли угрожает большая опасность.

Он, затаившись, подпустил врага к самой двери (врагом этим был молодой барсук, о чем Страшила, конечно, не знал). И когда барсучишка уже просунул в дверь свой любопытный нос, принюхиваясь к соблазнительному запаху, Страшила стегнул его прутиком по жирной спине.

Барсучишка взвыл, кинулся в чащу леса, и долго еще слышался из-за деревьев его обиженный визг...

Остаток ночи прошел спокойно: лесные звери поняли, что у хижины есть надежный защитник. А Страшила, который никогда не уставал и никогда не хотел спать, сидел на пороге, пялил глаза в темноту и терпеливо дожидался утра.

Спасение Железного Дровосека

Элли проснулась. Страшила сидел на пороге, а Тотошка гонял в лесу белок.

– Надо поискать воды, – сказала девочка.

– Зачем тебе вода?

– Умыться и попить. Сухой кусок не идет в горло.

– Фу, как неудобно быть сделанным из мяса и костей! – задумчиво сказал Страшила. – Вы должны и спать, и есть, и пить. Впрочем, у вас есть мозги, а за них можно терпеть всю эту кучу неудобств.

Они нашли ручеек, и Элли с Тотошкой позавтракали. В корзинке оставалось еще немного хлеба. Элли собралась идти к дороге, как вдруг услышала в лесу стон.

– Что это? – спросила она со страхом.

– Понятия не имею, – отвечал Страшила. – Пойдем посмотрим.

Стон раздался снова. Они стали пробираться сквозь чащу. Скоро они увидели среди деревьев какую-то фигуру. Элли подбежала и остановилась с криком изумления.

У надрубленного дерева с высоко поднятым топором в руках стоял человек, целиком сделанный из железа. Голова его, руки и ноги были прикреплены к железному туловищу на шарнирах; на голове вместо шапки была медная воронка, галстук на шее был железный. Человек стоял неподвижно, с широко раскрытыми глазами.

Тотошка с яростным лаем попытался укунить незнакомца за ногу и отскочил с визгом: он чуть не сломал зубы.

– Что за безобразие, ав-ав-ав! – пожаловался он. – Разве можно подставлять порядочной собаке железные ноги?..

– Наверное, это лесное пугало, – догадался Страшила. – Не понимаю только, что оно здесь охраняет?

– Это ты стонал? – спросила Элли.

– Да... – ответил железный человек. – Уже целый год никто не приходит мне помочь...

– А что нужно сделать? – спросила Элли, растроганная жалобным голосом незнакомца.

– Мои суставы заржавели, и я не могу двигаться. Но если меня смазать, я буду как новенький. Ты найдешь масленку в моей хижине на полке.

Элли с Тотошкой убежали, а Страшила ходил вокруг Железного Дровосека и с любопытством рассматривал его.

– Скажи, друг, – поинтересовался Страшила, – год – это долго?

– Еще бы! Год – это долго, очень долго! Это целых триста шестьдесят пять дней.

– Триста... шестьдесят... пять... – повторил Страшила. – А что, это больше, чем три?

– Какой ты глупый! – ответил Дровосек. – Ты, видно, совсем не умеешь считать!

– Ошибаешься! – гордо возразил Страшила. – Я очень хорошо умею считать! – И он начал считать, загибая пальцы: – Хозяин сделал меня – раз! Я поссорился с вороной – два! Элли сняла меня с кола – три! А больше со мной ничего не случилось, значит, дальше и считать незачем!

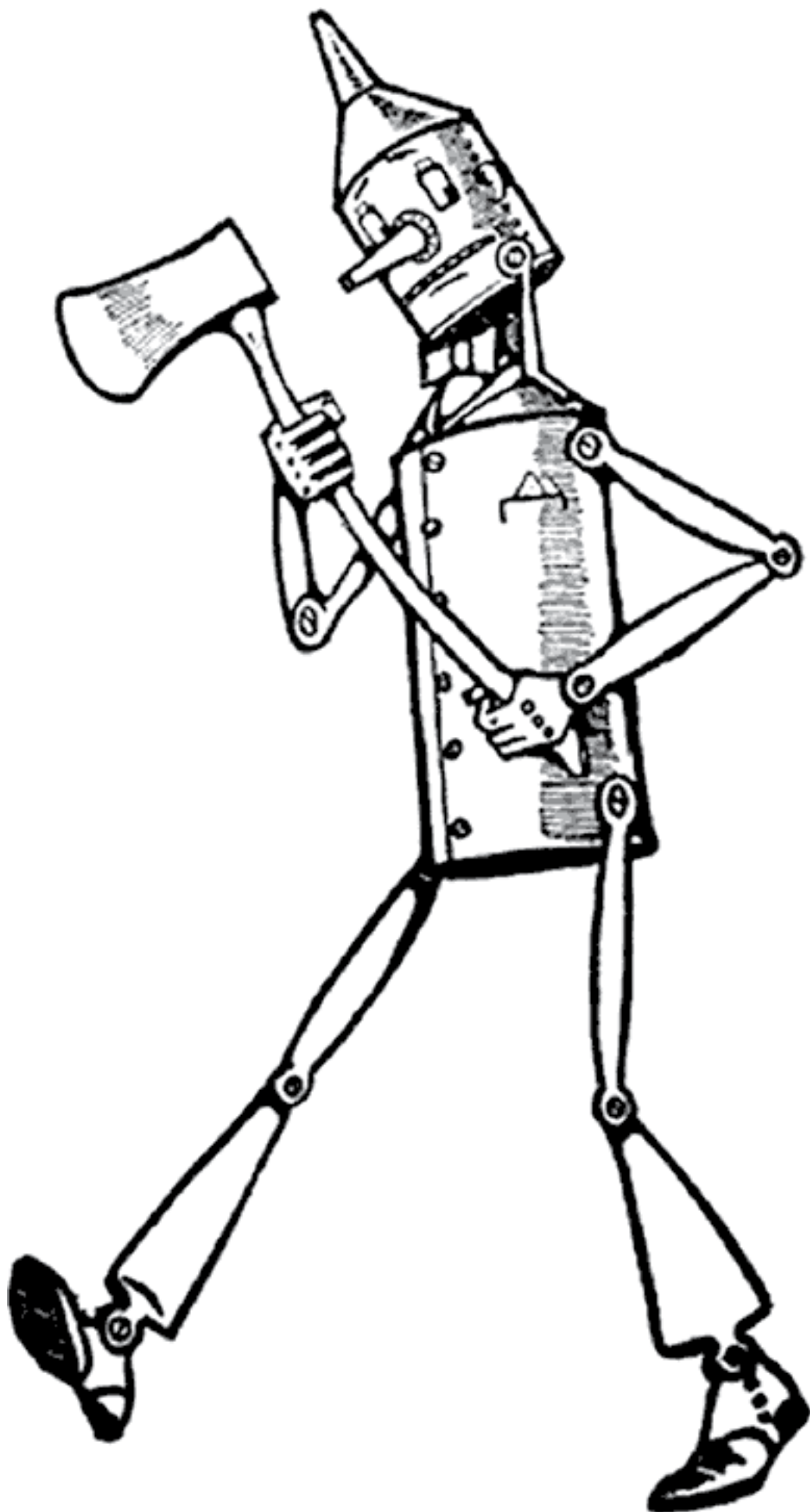
Железный Дровосек так удивился, что даже не смог ничего возразить. В это время Элли принесла масленку.

– Где смазывать? – спросила она.

– Сначала шею, – ответил Железный Дровосек.

Железный Дровосек в сказке Волкова – грустный романтик, склонный к ностальгии по ушедшим временам и к тоске по далеким друзьям. Жестяной Дровосек в сказке Баума – жизнерадостный оптимист, вполне довольный своей судьбой. Человеческие фигурки из жести использовались в США в конце XIX века для рекламы в витринах магазинов, и потому были всем известны. Одна из последних повестей Баума целиком посвящена Жестяному Дровосеку, где он, наконец, неожиданно встречается со своей невестой Нимми, в которую был влюблен, когда был человеком.

В старом советском мультфильме «Волшебник Изумрудного города» герои пели песню, и им подпевали, сидя у телевизора, дети – нынешние бабушки и дедушки:

*Мы в город Изумрудный
Идем дорогой трудной,
Идем дорогой трудной,
Дорогой не прямой.
Заветных три желания
Исполнит мудрый Гудвин,
И Элли возвратится
С Тотошкою домой.*

И Элли смазала шею, но она так заржавела, что Страшиле долго пришлось поворачивать голову Дровосека вправо и влево, пока шея не перестала скрипеть.

– Теперь, пожалуйста, руки!

И Элли стала смазывать суставы рук, а Страшила осторожно поднимал и опускал руки Дровосека, пока они не стали действительно как новенькие. Тогда Железный Дровосек глубоко вздохнул и бросил топор.

– Ух, как хорошо, – сказал он. – Я поднял вверх топор прежде, чем заржаветь, и очень рад, что могу от него избавиться. Ну, а теперь дайте мне масленку, я смажу себе ноги, и все будет в порядке.

Смазав ноги, так, что он мог свободно двигать ими, Железный Дровосек много раз поблагодарил Элли, потому что он был очень вежливым.

– Я стоял бы здесь до тех пор, пока не обратился бы в железную пыль. Вы спасли мне жизнь. Кто вы такие?

– Я – Элли, а это мои друзья...

– Тото!

– Страшила! Я набит соломой!

– Об этом нетрудно догадаться по твоим разговорам, – заметил Железный Дровосек. – Но как вы сюда попали?

– Мы идем в Изумрудный город к Великому Волшебнику Гудвину и провели в твоей хижине ночь.

– Зачем вы идете к Гудвину?

– Я хочу, чтобы Гудвин вернул меня в Канзас, к папе и маме, – сказала Элли.

– А я хочу попросить у него немножечко мозгов для моей соломенной головы, – сказал Страшила.

– А я иду просто потому, что люблю Элли, и потому, что мой долг – защищать ее от врагов! – сказал Тотошка.

Железный Дровосек глубоко задумался.

– Как вы полагаете, Гудвин может дать мне сердце?

– Думаю, что может, – отвечала Элли. – Ему это не труднее, чем дать Страшиле мозги.

– Так вот, если вы примете меня в компанию, я пойду с вами в Изумрудный город и попрошу Великого Гудвина дать мне сердце. Ведь иметь сердце – самое заветное мое желание!

Элли радостно воскликнула:

– Ах, друзья мои, как я рада! Теперь вас двое, и у вас два заветных желания!

– Поплывем... то бишь пойдем, с нами, – добродушно согласился Страшила.

Железный Дровосек попросил Элли доверху наполнить маслом масленку и положить ее на дно корзинки.

– Я могу попасть под дождь и заржаветь, – сказал он, – и без масленки мне придется плохо...

Потом он поднял топор, и они пошли через лес к дороге, вымощенной желтым кирпичом.

Большим счастьем было для Элли и Страшила найти такого спутника, как Железный Дровосек, – сильного и ловкого.

Когда Дровосек заметил, что Страшила опирается на корявую сучковатую дубину, он тотчас срезал с дерева прямую ветку и сделал для товарища удобную и крепкую трость.

Скоро путники пришли к месту, где дорога заросла кустарником и стала непроходимой. Но Железный Дровосек заработал своим огромным топором и быстро расчистил путь.

Элли шла задумавшись и не заметила, как Страшила свалился в яму. Ему пришлось звать друзей на помощь.

– Почему ты не обошел кругом? – спросил Железный Дровосек.

– Не знаю! – чистосердечно ответил Страшила. – Понимаешь, у меня голова набита соломой, и я иду к Гудвину попросить немножечко мозгов.

– Так! – сказал Дровосек. – Во всяком случае, мозги – не самое лучшее на свете.

– Вот еще! – удивился Страшила. – Почему ты так думаешь?

– Раньше у меня были мозги, – пояснил Железный Дровосек. – Но теперь, когда приходится выбирать между мозгами и сердцем, я предпочитаю сердце.

– А почему? – спросил Страшила.

– Послушайте мою историю, и тогда вы все поймете.

И, пока они шли, Железный Дровосек рассказывал им свою историю:

– Я дровосек. Став взрослым, я задумал жениться. Я полюбил от всего сердца одну хорошенькую девушку, а я тогда был еще из мяса и костей, как и все люди. Но злая тетка, у которой жила девушка, не хотела расставаться с ней, потому что девушка работала на нее. Тетка пошла к волшебнице Гингеме и обещала ей набрать целую корзину самых жирных пиявок, если та расстроит свадьбу...

– Злая Гингема убита! – перебил Страшила.

– Кем?

– Элли! Она прилетела на Убивающем Домике и – крак! крак! – села волшебнице на голову.

– Жаль, что этого не случилось раньше! – вздохнул Железный Дровосек и продолжал: – Гингема заколдовала мой топор, он отскочил от дерева и отрубил мне левую ногу. Я очень опечалился: ведь без ноги я не мог быть дровосеком. Я пошел к кузнецу, и он сделал прекрасную железную ногу. Гингема снова заколдовала мой топор, и он отрубил мне правую ногу. Я опять пошел к кузнецу. Девушка любила меня по-прежнему и не отказывалась выйти за меня замуж. «Мы много сэкономим на сапогах и брюках!» – говорила она мне. Однако злая волшебница не успокоилась: ведь ей очень хотелось получить целую корзину пиявок. Я потерял руки, и кузнец сделал мне железные. Когда топор отрубил мне голову, я подумал, что мне пришел конец. Но об этом узнал кузнец и сделал мне отличную железную голову. Я продолжал работать, и мы с девушкой по-прежнему любили друг друга...

– Тебя, значит, делали по кускам, – глубокомысленно заметил Страшила. – А меня мой хозяин сделал зараз...

– Самое худшее впереди, – печально продолжал Дровосек. – Коварная Гингема, видя, что у нее ничего не выходит, решила окончательно доконать меня. Она еще раз заколдовала топор, и он разрубил мне туловище пополам. Но, к счастью, кузнец снова узнал об этом, сделал железное туловище и прикрепил к нему на шарнирах мою голову, руки и ноги. Но – увы! – у меня не было больше сердца: кузнец не сумел его вставить. И мне подумалось, что я, человек

без сердца, не имею права любить девушку. Я вернул моей невесте ее слово и заявил, что она свободна от своего обещания. Странная девушка почему-то совсем этому не обрадовалась, сказала, что любит меня, как прежде, и будет ждать, когда я одумаюсь. Что с ней теперь, я не знаю: ведь я не видел ее больше года...

Железный Дровосек вздохнул, и слезы покатались из его глаз.

– Осторожней! – в испуге вскричал Страшила и вытер ему слезы голубым носовым платком. – Ведь ты заржавеешь от слез!

– Благодарю, мой друг! – сказал Дровосек. – Я забыл, что мне нельзя плакать. Вода вредна мне во всех видах... Итак, я гордился своим новым железным телом и уже не боялся заколдованного топора. Мне страшна была только ржавчина, но я всегда носил с собой масленку. Только раз я позабыл ее, попал под ливень и так заржавел, что не мог сдвинуться с места, пока вы не спасли меня. Я уверен, что и этот ливень обрушила на меня коварная Гингема... Ах, это ужасно – стоять целый год в лесу и думать о том, что у тебя нет сердца!..

– С этим может сравниться только торчание на колу посреди пшеничного поля, – перебил его Страшила. – Но, правда, мимо ходили люди, и можно было разговаривать с воронами...

– Когда меня любили, я был счастливейшим человеком, – продолжал Железный Дровосек, вздыхая. – Если Гудвин даст мне сердце, я вернусь в страну Жевунов и женюсь на девушке. Может быть, она все-таки ждет меня...

– А я, – упрямо сказал Страшила, – все-таки предпочитаю мозги: когда нет мозгов, тогда и сердце ни к чему.

– Ну, а мне нужно сердце! – возразил Железный Дровосек. – Мозги не делают человека счастливым, а счастье – лучшее, что есть на земле.

Элли молчала, так как не знала, кто из ее новых друзей прав.

Элли в плену у Людоеда

Лес становился глуше. Ветви деревьев, сплетаясь вверх, не пропускали солнечных лучей. На дороге, вымощенной желтым кирпичом, была полутьма.

Шли до позднего вечера. Элли очень устала, и Железный Дровосек взял ее на руки. Страшила плелся сзади, сгибаясь под тяжестью топора.

Как будто простая вещь – надо нарисовать людоеда, который готовится съесть бедную девочку. Сюжет дан. Радлов берет фабульно эту вещь. Оказывается, людоед точит нож. Это естественно. А какое точило? Посмотрите этот механизм – он внушает смех. От этого людоед перестает быть сказочно устрашающим гением, который пугал детей, он становится добрым людоедом из приятной сказки. Ребенок не будет видеть его во сне и с испугом просыпаться, он будет с ним жить как с персонажем приятным.
Писатель Константин Федин

Наконец, остановились на ночлег. Железный Дровосек сделал для Элли уютный шалаш из ветвей. Он и Страшила просидели всю ночь у входа в шалаш, прислушиваясь к дыханию девочки и охраняя ее сон.

Новые друзья потихоньку беседовали. Беседа шла Страшила на пользу. Хотя у него еще и не было мозгов, но он оказался очень способным, хорошо запоминал новые слова и с каждым часом делал все меньше ошибок в разговоре.

Утром снова двинулись в путь. Дорога стала веселее: деревья опять отступили в стороны, и солнышко ярко освещало желтые кирпичи.

За дорогой здесь, видимо, кто-то ухаживал: сучья и ветки, сбитые ветром, были собраны и аккуратно сложены по краям дороги.

Вдруг Элли заметила впереди столб и на нем доску с надписью:

ПУТНИК, ТОРОПИСЬ!

ЗА ПОВОРОТОМ ДОРОГИ ИСПОЛНЯТСЯ ВСЕ ТВОИ ЖЕЛАНИЯ!

Элли прочитала надпись и удивилась:

– Что это? Я попаду отсюда прямо в Канзас, к маме и папе?

– А я, – подхватил Тотошка, – поколочу соседского Гектора, этого хвастунишку, который уверяет, что он сильнее меня?

Элли обрадовалась, забыла обо всем на свете и бросилась вперед. Тотошка побежал за ней с веселым лаем.

Железный Дровосек и Страшила, увлеченные все тем же интересным спором, что лучше – сердце или мозги, не заметили, что Элли убежала, и мирно шли по дороге. Внезапно они услышали крик девочки и злобный лай Тотошки. Друзья устремились к месту происшествия и успели заметить, как что-то лохматое и темное мелькнуло среди деревьев и скрылось в чаще леса. Возле дерева лежал бесчувственный Тотошка, из его ноздрей текли струйки крови.

– Что случилось? – горестно спросил Страшила. – Должно быть, Элли унес хищный зверь...

Железный Дровосек ничего не говорил: он зорко всматривался вперед и грозно размахивал огромным топором.

– Квирр... квир... – вдруг раздалось насмешливое чоканье Белки с верхушки высокого дерева. – Что случилось?... Двое больших, сильных мужчин отпустили маленькую девочку, и ее унес Людоед!

– Людоед? – переспросил Железный Дровосек. – Я не слышал, что в этом лесу живет Людоед.

– Квирр... квир... Каждый муравей в лесу знает о нем. Эх, вы! Не могли присмотреть за маленькой девочкой. Только черненький зверек смело вступился за нее и укусил Людоеда, но тот так хватил его своей огромной ногой, что он, наверное, умрет...

Белка осыпала друзей такими насмешками, что им стало стыдно.

– Надо спасти Элли! – закричал Страшила.

– Да, да! – горячо подхватил Железный Дровосек. – Элли спасла нас, а мы должны отбить ее у Людоеда. Иначе я умру с горя... – и слезы покатились по щекам Железного Дровосека.

– Что ты делаешь! – в испуге закричал Страшила, вытирая ему слезы платочком. – Масленка у Элли!

– Если вы хотите выручить маленькую девочку, я покажу вам, где живет Людоед, хотя очень его боюсь, – сказала Белка.

Железный Дровосек бережно уложил Тотошку на мягкий мох и сказал:

– Если нам удастся вернуться, мы позаботимся о нем... – И он повернулся к Белке: – Веди нас!

Белка запрыгала по деревьям, друзья поспешили за ней. Когда они зашли вглубь леса, показалась серая стена.

Замок Людоеда стоял на холме. Его окружала высокая стена, на которую не вскарабкалась бы и кошка. Перед стеной был ров, наполненный водой. Стащив Элли, Людоед поднял перекидной мост и запер на два засова чугунные ворота.

Людоед жил один. Прежде у него были бараны, коровы и лошади, и он держал много слуг. В те времена мимо замка в Изумрудный город часто проходили путники. Людоед нападал на них и съедал. Потом Жевуны узнали о Людоеде, и движение по дороге прекратилось.

Людоед принялся опустошать замок: сначала съел баранов, коров и лошадей, потом добрался до слуг и съел всех, одного за другим. Последние годы Людоед прятался в лесу, ловил неосторожного кролика или зайца и съедал его с кожей и костями.

Людоед страшно обрадовался, поймав Элли, и решил устроить себе настоящий пир. Он притащил девочку в замок, связал и положил на кухонный стол, а сам принялся точить большой нож.

«Клинк... клинк...» – звенел нож.

А Людоед приговаривал:

– Ба-га-ра! Знатная попалась добыча! Уж теперь полакомлюсь вволю, ба-гар-ра!

Людоед был так доволен, что даже разговаривал с Элли:

– Ба-га-ра! А ловко я придумал повесить доску с надписью! Ты думаешь, я действительно исполню твои желания! Как бы не так! Это я нарочно сделал, заманивать таких простаков, как ты! Ба-гар-ра!

Элли плакала и просила у Людоеда пощады, но он не слушал ее и продолжал точить нож.

«Клинк... клинк... клинк...»

И вот Людоед занес над девочкой нож. Она в ужасе закрыла глаза. Однако Людоед опустил руку и зевнул.

– Ба-га-ра! Устал я точить этот большой нож! Пойду-ка отдохну часок-другой. После сна и еда приятней.

Людоед пошел в спальню, и скоро его храп раздался по всему замку и даже был слышен в лесу.

Железный Дровосек и Страшила в недоумении стояли перед рвом, наполненным водой.

– Я бы переплыл через воду, – сказал Страшила, – но вода смоеет мои глаза, уши и рот, и я стану слепым, глухим и немым.

– А я утону, – проговорил Железный Дровосек, – ведь я очень тяжел. Если даже и вылезу из воды, сейчас же заржавею, а масленки нет.

Так они стояли, раздумывая, и вдруг услышали храп Людоеда.

– Надо спасти Элли, пока он спит, – сказал Железный Дровосек. – погоди, я придумал! Сейчас мы переберемся через ров.

Он срубил высокое дерево с развилкой на верхушке, и оно упало на стену замка и прочно легло на ней.

– Полежай! – сказал он Страшילה. – Ты легче меня.

Страшила подошел к мосту, но испугался и попятился.

Белка не вытерпела и одним махом взбежала по дереву на стену.

– Квирр... квир... Эх ты, трус! – крикнула она Страшילה. – Смотри, как это просто делается! – Но, взглянув в окно замка, она даже ахнула от волнения. – Девочка лежит связанная на кухонном столе... Около нее большой нож... Девочка плачет... Я вижу, как из ее глаз катятся слезы...

Услышав такие вести, Страшила забыл опасность и чуть ли не быстрее Белки взлетел на стену.

– Ох! – только и сказал он, увидев через окно кухни бледное лицо Элли, и мешком свалился во двор.

Прежде чем он встал, Белка прыгнула ему на спину, перебежала двор, шмыгнула через решетку окна и принялась грызть веревку, которой была связана Элли.

Страшила открыл тяжелые засовы ворот, опустил подъемный мост, и Железный Дровосек вошел во двор, свирепо вращая глазами и воинственно размахивая огромным топором. Все это он делал, чтобы устроить Людоеда, если тот проснется и выйдет во двор.

– Сюда! Сюда! – пропищала Белка из кухни, и друзья бросились на ее зов.

Железный Дровосек вложил острие топора в щель между дверью и косяком, нажал, и – трах! – дверь слетела с петель. Элли прыгнула со стола, и все четверо – Железный Дровосек, Страшила, Элли и Белка – побежали из замка в лес.

Железный Дровосек в спешке так топал ногами по каменным плитам двора, что разбудил Людоеда. Людоед выскочил из спальни, увидел, что девочки нет, и пустился в погоню.

Людоед был невысок, но очень толст. Голова его походила на котел, а туловище – на бочку. У него были длинные руки, как у гориллы, а ноги обуты в высокие сапоги с толстыми подошвами. На нем был косматый плащ из звериных шкур. На голову вместо шлема Людоед надел большую медную кастрюлю, ручкой назад, и вооружился огромной дубиной с шишкой на конце, утыканной острыми гвоздями.

Он рычал от злости, и его сапожищи грохотали: «Топ-топ-топ...» А острые зубы стучали: «Клац-клац-клац...»

– Ба-гар-ра! Не увидите, мошенники!..

Людоед быстро догонял беглецов. Видя, что от погони не убежать, Железный Дровосек прислонил испуганную Элли к дереву и приготовился к бою. Страшила отстал: ноги его цеплялись за корни, а грудью он задевал за ветки деревьев. Людоед догнал Страшилу, и тот вдруг бросился ему под ноги. Не ожидавший этого, Людоед кувыркком перелетел через Страшилу.

– Ба-гар-ра! Это еще что за чучело!

Людоед не успел опомниться, как к нему сзади подскочил Железный Дровосек, поднял огромный острый топор и разрубил Людоеда пополам вместе с кастрюлей.

– Квир... квир... Славно сделано! – восхитилась Белка и поскакала по деревьям, рассказывая всему лесу о гибели свирепого Людоеда.

– Очень остроумно! – похвалил Железный Дровосек Страшилу. – Ты не смог бы лучше свалить Людоеда, если бы у тебя были мозги.

– Милые друзья мои, спасибо вам за вашу самоотверженность! – со слезами на глазах воскликнула Элли.

– Са-мо-от-вер-жен-ность... – с восхищением повторил Страшила по складам. – У, какое хорошее длинное слово, я таких еще и не слыхивал. А это не та самая вещь, которая бывает в мозгах?

– Нет, в мозгах бывает ум, – объяснила девочка.

– Значит, у меня еще нет ума, а только само-отвер-женность. Жалко! – огорчился Страшила.

– Не горюй, – сказал Дровосек. – Самоотверженность – это тоже хорошо, это когда человек не жалеет себя для других. Болит твоя рана?

– Да что там, просто красота! То есть я хотел сказать, чепуха. Разве может болеть солома? Вот только я боюсь, что мое содержимое вылезет из меня.

Элли достала иголку с ниткой и принялась зашивать прорехи. В это время из леса послышался тихий визг. Железный Дровосек бросился в чашу и принес Тотошку. Храбрый маленький песик опомнился от бесчувствия и полз по следу Людоеда...

Элли взяла обессиленного Тотошку на руки, и путники пошли через лес. Вскоре они выбрались к дороге, вымощенной желтым кирпичом, и бодро двинулись к Изумрудному городу.

Встреча с Трусливым Львом

В эту ночь Элли спала в дупле, на мягкой постельке из мха и листьев. Сон ее был тревожен: ей чудилось, что она лежит связанная, и что Людоед заносит над ней руку с огромным ножом. Девочка вскрикивала и просыпалась.

Утром двинулись в путь. Лес был мрачен. Из-за деревьев доносился рев зверей. Элли вздрагивала от страха, а Тотошка, поджав хвостик, прижимался к ногам Железного Дровосека: он стал очень уважать его после победы над Людоедом.

Путники шли, тихо разговаривая о вчерашних событиях, и радовались спасению Элли. Дровосек не переставал хвалить находчивость Страшила.

– Как ты ловко бросился под ноги Людоеду, друг Страшила! – говорил он. – Уж не завелись ли у тебя в голове мозги?

– Нет, солома... – отвечал Страшила, пощупав голову.

Эта мирная беседа была прервана громовым рычанием. На дорогу выскочил огромный Лев. Одним ударом он подбросил Страшила в воздух; тот полетел кувырком и упал на краю дороги, распластавшись, как тряпка. Лев ударил Железного Дровосека лапой, но когти закрепились по железу, а Дровосек от толчка сел, и воронка слетела у него с головы.

Крохотный Тотошка смело бросился на врага.

Громадный зверь разинул пасть, чтобы проглотить собачку, но Элли смело выбежала вперед и загородила собой Тотошку.

– Стой! Не смей трогать Тотошку! – гневно закричала она.

Лев замер в изумлении.

Трусливый Лев в сказках Волкова становится Смелым Львом. У Баума он остается под именем Трусливого Льва, несмотря на свою смелость, и в дальнейшем обретает нового друга – Голодного Тигра, с которым они вместе исполняют почетную должность – возят Королевскую Красную Карету

Принцессы Озмы. У Волкова Трусливый Лев – верный и смелый товарищ Элли и ее друзей, он совершает множество подвигов, хотя и считает себя трусом.

- Простите, – оправдывался Лев, – но я ведь не съел его...
- Однако ты пытался. Как тебе не стыдно обижать слабых! Ты просто трус!
- А... а как вы узнали о том, что я трус? – спросил ошеломленный Лев. – Вам кто-нибудь сказал?
- Сама вижу по твоим поступкам!
- Удивительно... – сконфуженно проговорил Лев. – Как я ни стараюсь скрыть свою трусость, а дело все-таки выплывает наружу. Я всегда был трусом, но ничего не могу с этим поделать!

- Подумать только: ты ударил бедного, набитого соломой Страшилу!
- Он набит соломой? – спросил Лев, удивленно глядя на Страшилу.
- Конечно, – ответила Элли, еще рассерженная на Льва.
- Понимаю теперь, почему он такой мягкий и такой легонький, – сказал Лев. – А тот, второй, – тоже набитый?
- Нет, он из железа.
- Ага! Недаром я чуть не поломал об него когти. А что это за маленький зверек, которого ты так любишь?
- Это моя собачка, Тотошка.
- Она из железа или набита соломой?
- Ни то, ни другое. Она настоящая собачка, из мяса и костей.
- Скажи, какая маленькая, а ведь храбрая! – изумился Лев.
- У нас в Канзасе все собаки такие! – с гордостью молвил Тотошка.
- Смешное животное! – сказал Лев. – Только такой трус, как я, и мог напасть на такую крошку...
- Почему же ты трус? – спросила Элли, с удивлением глядя на громадного Льва.
- Таким уродился. Конечно, все считают меня храбрым: ведь Лев – царь зверей. Когда я реву – а я реву очень громко, вы слышали, – звери и люди убегают с моей дороги. Но если бы на меня напал тигр, я бы испугался, честное слово! Хорошо еще, что никто не знает, какой я трус, – сказал Лев, утирая слезы пушистым кончиком хвоста. – Мне очень стыдно, но я не могу переделать себя.
- Может быть, у тебя сердечная болезнь? – спросил Дровосек.
- Возможно, – согласился Трусливый Лев.
- Счастливый! А у меня так и сердечной болезни не может быть: у меня нет сердца.
- Если бы у меня не было сердца, – задумчиво сказал Лев, – может быть, я и не был бы трусом.
- Скажи, пожалуйста, а ты когда-нибудь дерешься с другими львами? – поинтересовался Тотошка.
- Где уж мне... Я от них бегу, как от чумы, – признался Лев.
- Фу! – насмешливо фыркнул песик. – Куда же ты после этого ходишь!
- А у тебя есть мозги? – спросил Льва Страшила.
- Есть, вероятно. Я их никогда не видел.
- Моя голова набита соломой, и я иду к Великому Гудвину просить немножечко мозгов, – сказал Страшила.
- А я иду к нему за сердцем, – сказал Железный Дровосек.
- А я иду к нему просить, чтобы он вернул нас с Тотошкой в Канзас...
- Где я сведу счеты с соседским щенком, хватушкой Гектором, – добавил песик.
- Гудвин такой могущественный? – удивился Лев.
- Ему это ничего не стоит, – ответила Элли.
- В таком случае, не даст ли он мне смелости?
- Ему это так же легко, как дать мне мозги, – заверил Страшила.
- Или мне сердце, – прибавил Железный Дровосек.
- Или вернуть меня в Канзас, – закончила Элли.
- Тогда примите меня в компанию, – сказал Трусливый Лев. – Ах, если бы я мог получить хоть немного смелости... Ведь это мое заветное желание!
- Я очень рада! – сказала Элли. – Это третье желание, и, если исполнятся все три, Гудвин вернет меня на родину. Идем с нами...
- И будь нам добрым товарищем, – сказал Дровосек. – Ты будешь отгонять от Элли других зверей. Должно быть, они еще трусливее тебя, раз бегут от одного твоего рева.

– Они трусы, – проворчал Лев, – да я-то от этого не становлюсь храбрее.

Путешественники двинулись дальше по дороге, и Лев пошел величавым шагом рядом с Элли. Тотошке и этот спутник сначала не понравился. Он помнил, как Лев хотел проглотить его. Но вскоре он привык ко Льву, и они сделались большими друзьями.

Саблезубые тигры

В этот вечер шли долго и остановились ночевать под: развесистым деревом. Железный Дровосек нарубил дров и развел большой костер, около которого Элли чувствовала себя очень уютно. Она и друзей пригласила разделить это удовольствие, но Страшила решительно отказался, ушел от костра подальше и внимательно следил, чтобы ни одна искорка не попала на его костюм.

– Моя солома и огонь – такие вещи, которые не могут быть соседями, – объяснил он.

Трусливый Лев тоже не пожелал приблизиться к костру.

– Мы, дикие звери, не очень-то любим огонь, – сказал Лев. – Теперь, когда я в твоей компании, Элли, я, может быть, и привыкну, но сейчас он меня еще слишком пугает...

Только Тотошка, не боявшийся огня, лежал на коленях у Элли, шурил на костер свои маленькие блестящие глаза и наслаждался его теплом. Элли по-братски разделила с Тотошкой последний кусок хлеба.

– Что я буду теперь есть? – спросила она, бережно собирая крошки.

– Хочешь, я поймаю в лесу лань? – спросил Лев. – Правда, у вас, людей, плохой вкус, и вы предпочитаете жареное мясо сырому, но ты можешь поджарить его на углях.

– О, только никого не убивать! – взмолился Железный Дровосек. – Я буду так плакать о бедной лани, что никакого масла не хватит смазывать мое лицо...

– Как угодно, – пробурчал Лев и отправился в лес. Он вернулся оттуда не скоро, улегся с сытым мурлыканьем поодаль от костра и уставил на пламя свои желтые глаза с узкими щелками зрачков.

Зачем Лев ходил в лесную чащу, никому не было известно. Сам он молчал, а остальные не спрашивали.

Страшила тоже пошел в лес, и ему посчастливилось найти дерево, на котором росли орехи. Он рвал их своими мягкими непослушными пальцами. Орехи выскальзывали у него из рук, и ему приходилось собирать их в траве. В лесу было темно, как в погребе, и только Страшила, видевшему ночью, как днем, это не причиняло никаких неудобств. Но когда он набирал полную горсть орехов, они вдруг вываливались у него из рук, и все приходилось начинать снова. Все же Страшила с удовольствием собирал орехи, боясь подходить к костру. Только увидев, что костер начинает угасать, он приблизился к Элли с полной корзиной орехов, и девочка поблагодарила его за труды.

Утром Элли позавтракала орехами. Она и Тотошке предложила орехов, но песик с презрением отвернул от них нос: встав спозаранку, он поймал в лесу жирную мышь (к счастью, Дровосек этого не видел).

Путники снова двинулись к Изумрудному городу. Этот день принес им много приключений. Пройдя около часа, они остановились перед оврагом, который тянулся по лесу вправо и влево, насколько хватало глаз.

Овраг был широк и глубок. Когда Элли подползла к его краю и заглянула вниз, у нее закружилась голова, и она невольно отпрянула назад. На дне пропасти лежали острые камни, и между ними журчал невидимый ручей.

Стены оврага были отвесны. Путники стояли опечаленные: им казалось, что путешествие к Гудвину окончилось и придется идти назад. Страшила в недоумении тряс головой, Железный Дровосек схватился за грудь, а Лев огорченно опустил морду.

– Что же делать? – спросила Элли в отчаянии.

– Не имею понятия, – огорченно ответил Железный Дровосек, а Лев в недоумении почесал лапой нос.

Страшила сказал:

– Ух, какая большая яма! Через нее мы не перепрыгнем. Тут нам и сидеть!

– Я бы, пожалуй, перепрыгнул, – сказал Лев, измерив взглядом расстояние.

– Значит, ты перенесешь нас? – догадался Страшила.

– Попробую, – сказал Лев. – Кто осмелится первым?

– Придется мне, – сказал Страшила. – Если ты упадешь, Элли разобьется насмерть, да и Железному Дровосеку плохо будет. А уж я не расшибусь, будьте спокойны!..

– Да я-то сам боюсь свалиться или нет? – сердито перебил Лев разболтавшегося Страшила. – Ну, раз больше ничего не остается, прыгаю. Садись!

Страшила влез ему на спину, и Лев съехался на краю расселины, готовясь к прыжку.

– Почему ты не разбегаешься? – спросила Элли.

– Это не в наших львиных привычках. Мы прыгаем с места.

Он сделал огромный прыжок и благополучно перескочил на другую сторону. Все обрадовались, и Лев, ссадив Страшила, тотчас прыгнул обратно.

Следующей села Элли. Держа Тотошку в одной руке, другой она вцепилась в жесткую гриву Льва. Элли взлетела на воздух, и ей показалось, что она снова поднимается на Убивающем Домике. Но не успела она испугаться, как была уже на твердой земле.

Последним переправился Железный Дровосек, чуть не потеряв во время прыжка свою шапку-воронку.

Когда Лев отдохнул, путешественники двинулись дальше по дороге, вымощенной желтым кирпичом. Элли догадалась, что овраг появился, вероятно, от землетрясения уже после того, как провели дорогу к Изумрудному городу. Элли слыхала, что от землетрясений в земле могут образоваться трещины. Правда, отец не рассказывал ей о таких громадных трещинах, но ведь страна Гудвина была совсем особенная, а в ней было не так, как на всем прочем свете.

За оврагом по обеим сторонам дороги потянулся еще более угрюмый лес, и стало темно. Из зарослей слышалось глухое сопение и протяжный рев. Путникам стало жутко, а Тотошка совсем запутался в ногах у Льва, считая теперь, что Лев сильнее Железного Дровосека. Трусливый Лев сообщил спутникам, что в этом лесу живут саблезубые тигры.

– Что это за звери?

– Это очень страшные чудища, – боязливо прошептал Лев. – Они куда больше обыкновенных тигров, живущих в других частях страны. У них на верхней челюсти торча клыки, как сабли. Такими клыками эти тигры могут проколоть меня, как котенка... Я ужасно боюсь саблезубых тигров...

Все сразу притихли и стали осторожно ступать по желтым кирпичам.

Элли сказала шепотом:

– Я читала в книжке, что у нас в Канзасе саблезубые тигры водились в древние времена, но потом все вымерли, а здесь, видно, живут до сих пор...

– Да вот живут, к несчастью, – отозвался Трусливый Лев. – Я увидел одного издали, так три дня болел от страха...

За этими разговорами путники неожиданно подошли к новому оврагу, который оказался шире и глубже первого. Взглянув на него, Лев отказался прыгать: эта задача была ему не под силу. Все стояли в молчании, не зная, что делать. Вдруг Страшила сказал:

– Вот на краю большое дерево. Пусть Дровосек подрубит его так, чтобы оно упало через пропасть, и у нас будет мост.

– Ловко! – восхитился Лев. – Можно подумать, что все-таки у тебя в голове есть мозги.

– Нет, – скромно отозвался Страшила, на всякий случай пощупав голову, – я просто вспомнил, что так сделал Железный Дровосек, когда мы с ним спасали Элли от Людоеда.

Несколькими мощными ударами топора Железный Дровосек подрубил дерево, потом все путешественники, не исключая Тотошки, уперлись в ствол, кто руками, а кто лапами и лбом. Дерево загремело и упало вершиной на ту сторону рва.

– Ура! – разом крикнули все.

Но едва только путники пошли по стволу, придерживаясь за ветки, как в лесу послышался продолжительный вой, и к оврагу подбежали два свирепых зверя с клыками, торчащими из пасти, как сверкающие белые сабли.

– Саблезубые тигры... – прошептал Лев, дрожа как лист.

– Спокойствие! – закричал Страшила. – Переходите!

Лев, замыкавший шествие, обернулся к тиграм и испустил такое великолепное рычание, что Элли с перепугу чуть не свалилась в пропасть. Даже чудовища остановились и глядели на Льва, не понимая, как такой небольшой зверь может так громко реветь.

Эта задержка дала возможность путникам перейти овраг, и Лев в три прыжка нагнал их. Саблезубые тигры, видя, что добыча ускользает, вступили на мост. Они шли по дереву, то и дело останавливаясь, негромко, но грозно рыча и блестя белыми клыками. Вид их был так страшен, что Лев сказал Элли:

– Мы погибли! Бегите, а я постараюсь задержать этих бестий. Жаль, что я не успел получить от Гудвина хоть немного смелости! Однако буду драться, пока не умру.

В соломенную голову Страшилы в этот день приходили блестящие мысли. Толкнув Дровосека, он закричал:

– Руби дерево!

Железный Дровосек не заставил себя долго просить. Он наносил своим огромным топором такие отчаянные удары, что в два-три взмаха перерубил верхушку дерева, и ствол с грохотом повалился в пропасть. Громадные звери полетели вместе с ним и разбились об острые камни на дне оврага.

– Ффу! – сказал Лев с глубоким вздохом облегчения и торжественно подал Страшילה лапу. – Спасибо! Поживем еще, а то я совсем было простился с жизнью. Не очень-то приятная штука – попасть на зубы к таким чудовищам. Слышите, как у меня бьется сердце?

– Ах! – печально вздохнул Железный Дровосек. – Хотел бы я, чтобы у меня так билось сердце!

Друзья торопились покинуть мрачный лес, из которого могли выскочить другие саблезубые тигры.

Но Элли так устала и напугалась, что не могла идти. Лев посадил ее и Тотошку к себе на спину, и путники быстро пошли вперед. Как они обрадовались, увидев вскоре, что деревья становятся все реже и тоньше! Солнышко веселыми лучами освещало дорогу, и скоро путники вышли на берег широкой и быстрой реки.

– Теперь уж можно не беспокоиться, – радостно сказал Лев. – Тигры никогда не выходят из своего леса: эти зверюги почему-то боятся открытого пространства...

Все вздохнули свободно, но сейчас же у них появилась новая забота.

– Как же мы переправимся? – сказали Элли, Железный Дровосек, Трусливый Лев и Тотошка, и все разом посмотрели на Страшилу, – все уже убедились, что его ум и способности развиваются не по дням, а по часам.

Польщенный общим вниманием, Страшила принял важный вид и приложил палец ко лбу. Думал он не очень долго.

– Ведь река – то не суша, а суша – не река! – важно изрек он. – По реке не пойдешь пешком, значит...

– Значит? – переспросила Элли.

– Значит, Железный Дровосек должен сделать плот, и мы переплывем реку!

– Какой ты умный! – восхищенно воскликнули все.

– Нет, я еще не умный, а только само-отвер-жен-ный, – возразил Страшила. – Вот когда я получу от Гудвина мозги, тогда перестану быть само-отвер-жен-ным, а сделаюсь умным.

Дровосек принялся рубить деревья, а сильный Лев стаскивал их к реке. Элли прилегла на траве отдохнуть. Страшиле, по обыкновению, не сиделось на месте. Он разгуливал по берегу реки и нашел деревья со спелыми плодами. Путники решили устроить здесь ночлег.

Элли, поужинав вкусными плодами, заснула под охраной своих верных друзей и во сне видела удивительный Изумрудный город и Великого Волшебника Гудвина.

Переправа через реку

Ночь прошла спокойно. Утром Железный Дровосек закончил плот, срубил шесты для себя и Страшилы и предложил путникам садиться. Элли с Тотошкой на руках устроилась посередине плота. Трусливый Лев ступил на край, плот накренился, и Элли закричала от страха. Но Железный Дровосек и Страшила поспешили вскочить на другой край, и равновесие восстановилось. Железный Дровосек и Страшила погнали плот через реку, за которой начиналась чудесная равнина, кое-где покрытая веселыми рощами и вся освещенная солнцем.

Я ввел в сказку предсказание доброй феи Виллины... И сразу все действия Элли приобретают целеустремленность. Она хочет вернуться на родину, это – ее заветное желание. Но оно исполнится лишь тогда, когда будут исполнены заветные желания трех других существ. И Элли ищет их, она должна их найти! Страшила еще сидит на колу в пшеничном поле, Железный Дровосек ржавеет под дождем, Трусливый Лев прячется в лесу, дрожа при виде маленьких зверюшек... Но судьба их – счастливая судьба! – уже предрешена».

Александр Волков

Все шло прекрасно, пока плот не приблизился к середине реки. Здесь быстрое течение подхватило его и понесло по реке, а шесты не доставали дна. Путешественники растерянно смотрели друг на друга.

– Очень скверно! – воскликнул Железный Дровосек. – Река унесет нас в Фиолетовую страну, и мы попадем в рабство к злой волшебнице.

– И я тогда не получу мозгов! – сказал Страшила.

– А я смелости! – сказал Лев.

– А я сердца! – добавил Железный Дровосек.

– А мы никогда не вернемся в Канзас! – закончили Элли и Тотошка.

– Нет, мы должны добраться до Изумрудного города! – вскричал Страшила и налег на шест.

К несчастью, в этом месте оказалась илистая отмель, и шест глубоко воткнулся в нее. Страшила не успел выпустить шест из рук, а плот несло по течению, и через мгновение Страшила уже висел на шесте посреди реки, без опоры под ногами.

– Здравствуйте! – только и успел крикнуть растерявшийся Страшила друзьям, но плот был уже далеко.

Положение Страшилы было отчаянным. «Здесь мне хуже, чем до встречи с Элли, – думал бедняга. – Там я хоть ворон пытался пугать – все-таки занятие. А кто же ставит пугала посреди реки? Ох, кажется, я никогда не получу мозгов!»

Тем временем плот несся вниз по течению. Несчастный Страшила остался далеко позади и скрылся за поворотом реки.

– Придется мне лезть в воду, – молвил Трусливый Лев, задрожав всем телом. – Ух, как я боюсь воды! Вот если бы я получил от Гудвина смелость, мне вода была бы нипочем... Но ничего не поделаешь, надо же добраться до берега. Я поплыву, а вы держитесь за мой хвост.

Лев плыл, пытаясь от напряжения, а Железный Дровосек крепко держался за кончик его хвоста. Трудна была работа – тащить плот, но все же Лев медленно подвигался к другому берегу. Скоро Элли убедилась, что шест достает дно, и начала помогать Льву. После больших усилий совершенно измученные путники наконец достигли берега – далеко-далеко от того места, где начали переправу.

Лев тут же растянулся на траве лапами кверху, чтобы просушить намокшее брюхо.

– Куда теперь пойдем? – спросил он, щурясь на солнышко.

– Обратно, туда, где остался наш друг, – ответила Элли. – Ведь не можем же мы уйти отсюда, не выручив нашего милого Страшилу.

Путники пошли берегом против течения реки. Долго брели они, повесив головы и заплетаясь ногами в густой траве, и с грустью думали об оставшемся над рекой товарище. Вдруг Железный Дровосек закричал изо всех сил:

– Смотрите!

И они увидели Страшилу, мужественно висевшего на шесте посреди широкой и быстрой реки. Страшила издали выглядел таким одиноким, маленьким и печальным, что у путников на глаза навернулись слезы. Железный Дровосек разволновался больше всех. Он бесцельно бегал по берегу, рискнул было за чем-то сунуться в воду, но сейчас же отбежал назад.

Потом сдернул воронку, приложил ко рту, как рупор, и оглушительно заорал:

– Страшила! Милый друг! Держись! Сделай одолжение, не падай в воду!

Железный Дровосек умел очень вежливо просить.

До путников слабо долетел ответ:

– ...жусь!.. огда... е... стаю...

Это означало: «Держусь! Никогда не устаю!»

Вспомнив, что Страшила и в самом деле никогда не уставал, друзья очень ободрились, и Железный Дровосек снова заорал в свою воронку-рупор:

– Не падай духом! Не уйдем отсюда, пока не выручим тебя!

И ветер донес ответ:

– ...ду!.. е... нуйтесь... а... ня...

И это означало: «Жду! Не волнуйтесь за меня!»

Железный Дровосек предложил сплести длинную веревку из древесной коры. Потом он, Дровосек, полезет в воду и снимет Страшила, а Лев вытащит их за веревку. Но Лев насмешливо покачал головой:

– Ты ведь плаваешь не лучше топора!

Железный Дровосек сконфуженно замолчал.

– Должно быть, придется мне опять плыть, – сказал Лев. – Только трудно будет так рассчитывать, чтобы течение принесло меня прямо к Страшиле...

– А я сяду к тебе на спину и буду тебя направлять! – предложил Тотошка.

Пока путники судили да рядили, издали на них с любопытством поглядывал длинноногий важный Аист. Потом он потихоньку подошел и стал на безопасном расстоянии, поджав правую ногу и прищулив левый глаз.

– Что вы за публика? – спросил он.

– Я Элли, а это мои друзья – Железный Дровосек, Трусливый Лев и Тотошка. Мы идем в Изумрудный город.

– Дорога в Изумрудный город не здесь, – заметил Аист.

– Мы знаем ее. Но нас унесла река, и мы потеряли товарища.

– А где он?

– Вон он, видишь, – Элли показала, – висит на шесте.

– Зачем он туда забрался?

Аист был обстоятельной птицей и хотел знать все до мельчайших подробностей. Элли рассказала, как Страшила оказался посреди реки.

– Ах, если бы ты его спас! – вскричала Элли и умоляюще сложила руки. – Как бы мы были тебе благодарны!

– Я подумаю, – важно сказал Аист и закрыл правый глаз, потому что аисты, когда думают, обязательно закрывают правый глаз. Но левый глаз он закрыл еще раньше.

И вот он стоял с закрытыми глазами на левой ноге и покачивался, а Страшила висел на шесте посреди реки и тоже покачивался от ветра. Путникам надоело ждать, и Железный Дровосек сказал:

– Послушаю я, о чем он думает, – и потихоньку подошел к Аисту.

Но до него донеслось ровное, с присвистом, дыхание Аиста, и Дровосек удивленно крикнул:

– Да он спит!

Аист и в самом деле заснул, пока думал.

Лев ужасно разгневался и рявкнул:

– Я его съем!

Аист спал чутко и вмиг открыл глаза.

– Вам кажется, что я сплю? – схитрил он. – Нет, я просто задумался. Такая трудная задача... Но, пожалуй, я перенес бы вашего товарища на берег, не будь он такой большой и тяжелый.

– Это он-то тяжелый?! – вскричала Элли. – Да ведь Страшила набит соломой и легкий, как перышко! Даже я его поднимаю.

– В таком случае, я попытаюсь! – сказал Аист. – Но смотрите, если он окажется слишком тяжел, я брошу его в воду. Хорошо бы сначала свешать вашего друга на весах, но так как это невозможно, то я лечу.

Как видно, Аист был очень осторожной и обстоятельной птицей. Аист взмахнул широкими крыльями и полетел к Страшиле. Он вцепился ему в плечи крепкими когтями, легко поднял и перенес на берег, где сидела Элли с друзьями.

Когда Страшила вновь очутился на берегу, он горячо обнял друзей и потом обратился к Аисту:

– Я думал, мне вечно придется торчать на шесте посреди реки и пугать рыб! Сейчас я не могу поблагодарить тебя как следует, потому что у меня в голове солома. Но, побывав у Гудвина, я разыщу тебя, и ты узнаешь, какова благодарность человека с мозгами.

– Очень рад, – солидно отвечал Аист. – Я люблю помогать другим в несчастье, особенно когда это не стоит мне большого труда... Однако заболтался я с вами. Меня ждут жена и дети. Желаю вам дойти благополучно до Изумрудного города и получить то, за чем идете!

И он вежливо подал каждому путнику свою красную морщинистую лапу, и каждый путник дружески пожал ее, а Страшила так тряс, что чуть не оторвал.

Аист улетел, а путешественники пошли по берегу. Счастливый Страшила шел, приплясывая, и пел:

– Эй-гей-гей-го! Я снова с Элли!

Потом, через три шага:

– Эй-гей-гей-го! Я снова с Железным Дровосеком!

И так он перебирал всех, не исключая и Тотошки, а потом снова начинал свою нескладную, но веселую и добродушную песенку.

Коварное маковое поле

Путники весело шли по лугу, усеянному великолепными белыми и голубыми цветами. Часто попадались красные маки невиданной величины с очень сильным ароматом. Всем было весело: Страшила был спасен, ни Людоед, ни овраги, ни саблезубые тигры, ни быстрая река не остановили друзей на пути к Изумрудному городу, и они предполагали, что все опасности остались позади.

– Какие чудные цветы! – воскликнула Элли.

– Они хороши! – молвил Страшила. – Конечно, будь у меня мозги, я восхищался бы цветами больше, чем теперь.

– А я бы полюбил их, если бы у меня было сердце, – вздохнул Железный Дровосек.

– Я всегда был в дружбе с цветами, – сказал Трусливый Лев. – Они милые и безобидные создания и никогда не выскакивают на тебя из-за угла, как эти страшные саблезубые тигры. Но в моем лесу не было таких больших и ярких цветов.

Чем дальше шли путники, тем больше становилось в поле маков. Все другие цветы исчезли, заглушенные зарослями мака. И скоро путешественники оказались среди необозримого макового поля. Запах мака усыпляет, но Элли этого не знала и продолжала идти, беспечно вдыхая сладковатый усыпляющий аромат и любуясь огромными красными цветами. Веки ее отяжелели, и ей ужасно захотелось спать. Однако Железный Дровосек не позволил ей прилечь.

– Надо спешить, чтобы к ночи добраться до дороги, вымощенной желтым кирпичом, – сказал он, и Страшила поддержал его.

Они прошли еще несколько сот шагов, но Элли не могла больше бороться со сном – шатаясь, она опустилась среди маков, со вздохом закрыла глаза и крепко заснула.

– Что же с ней делать? – спросил в недоумении Дровосек.

– Если Элли останется здесь, она будет спать, пока не умрет, – сказал Лев, широко зевая. – Аромат этих цветов смертелен. У меня тоже слипаются глаза, а собачка уже спит.

Тотошка, действительно, лежал на ковре из маков возле своей маленькой хозяйки. Только на Страшилу и Железного Дровосека не действовал губительный запах цветов, и они были бодры, как всегда.

– Беги! – сказал Страшила Трусливому Льву. – Спасайся из этого опасного места. Мы донесем девочку, а если ты заснешь, нам с тобой не справиться. Ведь ты слишком тяжел.

Лев прыгнул вперед и мигом скрылся из глаз. Железный Дровосек и Страшила скрестили руки и посадили на них Элли. Они сунули Тотошку в руки сонной девочки, и та бессознательно

вцепилась в его мягкую шерсть. Страшила и Железный Дровосек шли среди макового поля по широкому примятому следу, оставленному Львом, и им казалось, что поля не будет конца.

Но вот вдаль показались деревья и зеленая трава. Друзья облегченно вздохнули: они боялись, что долгое пребывание в отравленном воздухе убьет Элли. На краю макового поля они увидели Льва. Аромат цветов победил мощного зверя, и он спал, широко раскинув лапы в последнем усилии достигнуть спасительного луга.

– Мы не сможем ему помочь! – печально сказал Железный Дровосек. – Он слишком тяжел для нас. Теперь он заснул навсегда, и, быть может, ему снится, что он, наконец, получил смелость...

– Очень, очень жаль! – сказал Страшила. – Несмотря на свою трусость, Лев был добрым товарищем, и мне горько покинуть его здесь, среди проклятых маков. Но идем, надо спасать Элли.

Они вынесли спящую девочку на зеленую лужайку у реки, подальше от смертоносного макового поля, положили на траву и сели рядом, дожидаясь, когда свежий воздух разбудит Элли.

Пока друзья сидели и смотрели по сторонам, невдалеке заколыхалась трава, и на лужайку выскочил желтый дикий кот. Оскалив острые зубы и прижав уши к голове, он гнался за добычей. Железный Дровосек вскочил и увидел бегущую серую полевую мышь. Кот занес над ней когтистую лапу, и мышка, отчаянно пискнув, закрыла глаза, но Железный Дровосек сжалился над беззащитным созданием и отрубил голову дикому коту. Мышка открыла глаза и увидела, что враг мертв. Она сказала Железному Дровосеку:

– Благодарю вас! Вы спасли мне жизнь.

– О, полно, не стоит говорить об этом, – возразил Железный Дровосек, которому, по правде, неприятно было оттого, что пришлось убить кота. – Вы знаете, у меня нет сердца, но я всегда стараюсь помочь в беде слабому, будь это даже простая мышь.

– Простая мышь? – в негодовании пискнула мышка. – Что вы хотите сказать этим, сударь? Да знаете ли вы, что я – Рамина, королева полевых мышей?

– О, в самом деле? – вскричал пораженный Дровосек. – Тысяча извинений, ваше величество!

– Во всяком случае, спасая мне жизнь, вы исполнили свой долг, – сказала королева, смягчаясь.

В этот момент несколько мышей, запыхавшись, выскочили на полянку и со всех ног бросились к королеве.

– О, ваше величество! – наперебой запищали они. – Мы думали, что вы погибли, и приготовились оплакивать вас! Но кто убил злого кота? – И они так низко поклонились маленькой королеве, что стали на головы и задние лапки их заболтались в воздухе.

– Его разрубил вот этот странный железный человек. Вы должны служить ему и исполнять его желания, – важно сказала Рамина.

– Пусть он приказывает! – хором закричали мыши. Но в тот же момент они во главе с самой королевой пустились врассыпную. Дело в том, что Тотошка, открыв глаза и увидев вокруг себя мышей, издал восхищенный вопль и ринулся в середину стаи. Еще в Канзасе он славился как великий охотник на мышей, и ни один кот не мог сравниться с ним в ловкости. Но Железный Дровосек схватил песика и закричал мышам:

– Сюда! Сюда! Обратно! Я держу его!

Королева мышей высунула голову из густой травы и боязливо спросила:

– Вы уверены, что он не съест меня и моих придворных?

– Успокойтесь, ваше величество! Я его не выпущу!

Мыши собрались снова, и Тотошка после бесполезных попыток вырваться из железных рук Дровосека утихомирился. Чтобы песик больше не пугал мышей, его пришлось привязать к колышку, вбитому в землю.

Главная фрейлина-мышь заговорила:

– Великодушный незнакомец! Чем прикажете отблагодарить вас за спасение королевы?

– Я, право, теряюсь, – начал Железный Дровосек, но находчивый Страшила быстро перебил его:

– Спасите нашего друга Льва! Он в маковом поле!

– Лев! – вскричала королева. – Он съест всех нас.

– О, нет! – ответил Страшила. – Это Трусливый Лев, он очень смирен, да, кроме того, он ведь спит.

– Ну, что же, попробуем. Как это сделать?

– Много ли мышей в вашем королевстве?

– О, целые тысячи!

– Велите собрать их всех, и пусть каждая принесет с собой длинную нитку.

Королева Рамина отдала приказ придворным, и они с таким усердием кинулись по всем направлениям, что только лапки замелькали.

– А ты, друг, – обратился Страшила к Железному Дровосеку, – сделай прочную тележку – вывезти Льва из маков.

Железный Дровосек принялся за дело и работал с таким рвением, что, когда появились первые мыши с длинными нитками в зубах, крепкая тележка с колесами из цельных деревянных обрубков была готова.

Мыши сбегались отовсюду; их были многие тысячи, всех величин и возрастов: тут собрались и маленькие мыши, и средние мыши, и большие старые мыши. Одна дряхлая старушкамышь приплелась на полянку с большим трудом и, поклонившись королеве, тотчас свалилась лапками вверх. Две внучки уложили бабушку на лист лопуха и усердно махали над ней травинками, чтобы ветерок привел ее в чувство.

Трудно было запрячь в телегу такое множество мышей: пришлось привязать к передней оси целые тысячи ниток.

Притом Дровосек и Страшила торопились, боясь, что Лев умрет в маковом поле, и нитки путались у них в руках. Да еще некоторые молодые шаловливые мышки перебежали с места на место и запутывали упряжку. Наконец каждая нитка была одним концом привязана к телеге, а другим – к мышиному хвосту, и порядок установился.

В это время проснулась Элли и с удивлением смотрела на странную картину. Страшила в немногих словах рассказал ей о том, что случилось, и обратился к королеве-мышь:

– Ваше величество! Позвольте представить вам Элли – фею Убивающего Домика.

Две высокие особы вежливо раскланялись и завязали дружеский разговор...

Приготовления кончились.

Нелегко было двум друзьям взвалить тяжелого Льва на телегу. Но они все же подняли его, и мыши с помощью Страшилы и Железного Дровосека вывезли телегу с макового поля.

Лев был перевезен на полянку, где сидела Элли под охраной Тотошки. Девочка сердечно благодарила мышей за спасение верного друга, которого успела сильно полюбить.

Мыши перегрызли нитки, привязанные к их хвостам, и поспешили к своим домам. Королева-мышь подала девочке крошечный серебряный свисточек.

– Если я буду вам нужна снова, – сказала Рамина, – свистните трижды в этот свисток, и я – к вашим услугам. До свиданья!

– До свиданья! – ответила Элли.

Но в это время Тотошка сорвался с привязи, и Рамине пришлось спастись в густой траве с поспешностью, совсем неприличной для королевы.

* * *

Путники терпеливо ждали, когда проснется Трусливый Лев; он слишком долго дышал отравленным воздухом макового поля. Но Лев был крепок и силен, и коварные маки не смогли убить его. Он открыл глаза, несколько раз широко зевнул и попробовал потянуться, но перекладыны телеги помешали ему.

– Где я? Разве я еще жив?

Увидев друзей, Лев страшно обрадовался и скатился с телеги.

– Расскажите, что случилось? Я изо всех сил бежал по маковому полю, но с каждым шагом лапы мои становились все тяжелее, усталость свалила меня, и дальше я ничего не помню.

Страшила рассказал, как мыши вывезли Льва с макового поля. Лев покачал головой.

– Как это удивительно! Я всегда считал себя очень большим и сильным. И вот цветы, такие ничтожные по сравнению со мной, чуть не убили меня, а жалкие, маленькие существа, мыши, на которых я всегда смотрел с презрением, спасли меня! А все это потому, что их много, они действуют дружно и становятся сильнее меня, Льва, царя зверей! Но что мы будем делать, друзья мои?

– Продолжать путь к Изумрудному городу, – ответила Элли. – Три заветных желания должны быть выполнены, и это откроет мне путь на родину!

На кого похож Гудвин?

Когда Лев оправился, вся компания весело двинулась в путь. По мягкой зеленой траве они вышли к дороге, вымощенной желтым кирпичом, и обрадовались ей, как милому старому другу.

Скоро по сторонам дороги появились красивые изгороди, за ними стояли фермерские домики, а на полях работали мужчины и женщины. Изгороди и дома были выкрашены в красивый ярко-зеленый цвет, и люди носили зеленую одежду.

– Это значит, началась Изумрудная страна, – сказал Железный Дровосек.

– Почему? – спросил Страшила.

– Разве ты не знаешь, что изумруд – зеленый?

– Я ничего не знаю, – с гордостью возразил Страшила. – Вот когда у меня будут мозги, тогда я все буду знать!

Жители Изумрудной страны ростом были не выше Жевунов. На головах у них были такие же широкополые шляпы с острым верхом, но без серебряных бубенчиков. Казалось, они были неприветливы: никто не подходил к Элли и даже издали не обращался к ней с вопросами. На самом деле они просто боялись большого грозного Льва и маленького Тотошки.

– Думаю я, что нам придется ночевать в поле, – заметил Страшила.

– А мне хочется есть, – сказала девочка Фрукты здесь хороши, а все-таки надоели мне так, что я их видеть не могу, и всех их променяла бы на корочку хлеба! И Тотошка отощал совсем... Что ты, бедненький, ешь?

– Да так, что придется... – уклончиво отвечал песик.

Он совсем не хотел признаться, что каждую ночь сопровождал Льва на охоту и питался остатками его добычи.

Завидев домик, на крыльце которого стояла хозяйка, казавшаяся приветливее других жительниц селения, Элли решила попроситься на ночлег. Оставив приятелей за забором, она смело подошла к крыльцу. Женщина спросила:

– Что тебе нужно, дитя?

– Пустите нас, пожалуйста, переночевать!

– Но с тобой лев!

– Не бойтесь его: он ручной, да и, кроме того, трус!

– Если это так, входите, – ответила женщина, – вы получите ужин и постели.

Компания вошла в дом, удивив и перепугав детей и хозяина дома.

Когда прошел всеобщий испуг, хозяин спросил:

– Кто вы такие и куда идете?

– Мы идем в Изумрудный город, – ответила Элли, – и хотим увидеть Великого Гудвина.

– О, неужели? Уверены ли вы, что Гудвин захочет вас видеть?

– А почему нет?

– Видите ли, он никого не принимает. Я много раз бывал в Изумрудном городе, это удивительное и прекрасное место, но мне никогда не удавалось увидеть Великого Гудвина, и я знаю, что его никто никогда не видел...

– Разве он не выходит?

– Нет. И день и ночь он сидит в большом тронном зале своего дворца, и даже те, кто ему прислуживает, не видят его лица.

– На кого же он похож?

– Трудно сказать, – задумчиво ответил хозяин. – Дело в том, что Гудвин – Великий Мудрец и может принимать любой вид. Иногда он появляется в виде птицы или леопарда, а то вдруг оборотится кротом. Иные видели его в образе рыбы или мухи и во всяком другом виде, какой ему заблагорассудится принять. Но каков его настоящий вид – не знает никто из людей.

– Это поразительно и страшно, – сказала Элли. – Но мы попытаемся увидеть его, иначе наше путешествие окажется напрасным.

– Зачем вы хотите увидеть Гудвина Ужасного? – спросил хозяин.

– Я хочу попросить у него немножечко мозгов для моей соломенной головы, – отвечал Страшила.

– О, для него это сущие пустяки! Мозгов у него гораздо больше, чем ему требуется. Они все разложены по кулям, и в каждом куле – особый сорт.

– А я хочу, чтобы он дал мне сердце, – промолвил Дровосек.

– И это ему нетрудно, – отвечал хозяин, лукаво подмигивая. – У него на веревочке сушится целая коллекция сердец всевозможных форм и размеров.

– А я хотел бы получить от Гудвина смелость, – сказал Лев.

– У Гудвина в тронной комнате большой горшок смелости, – объявил хозяин. – Он накрыт золотой крышкой, и Гудвин смотрит, чтобы смелость не перекипела через край. Конечно, он с удовольствием даст вам порцию.

Все три друга, услышав обстоятельные разъяснения хозяина, просияли и с довольными улыбками посматривали один на другого.

– А я хочу, – сказала Элли, – чтобы Гудвин вернул нас с Тотошкой в Канзас.

– Где это Канзас? – спросил удивленный хозяин.

– Я не знаю, – печально отвечала Элли. – Но это моя родина, и она где-нибудь да есть.

– Ну, я уверен, что Гудвин найдет для тебя Канзас. Но надо сначала увидеть его самого, а это нелегкая задача. Гудвин не любит показываться, и, очевидно, у него есть на этот счет свои соображения, – добавил хозяин шепотом и огляделся по сторонам, как бы боясь, что Гудвин вот-вот выскочит из-под кровати или из шкафа.

Всем было немножко жутко, а Лев чуть не ушел на улицу: он считал, что там безопаснее.

Ужин был подан, и все сели за стол. Элли ела восхитительную гречневую кашу, и яичницу, и черный хлеб; она была очень рада этим кушаньям, напоминавшим ей далекую родину. Льву тоже дали каши, но он съел ее с отвращением и сказал, что это кушанье для кроликов, а не для Львов. Страшила и Дровосек ничего не ели. Тотошка съел свою порцию и попросил еще.

Женщина уложила Элли в постель, и Тотошка устроился рядом со своей маленькой хозяйкой. Лев растянулся у порога комнаты и сторожил, чтобы никто не вошел, Железный Дровосек и Страшила простояли всю ночь в уголке, изредка разговаривая шепотом.

Великий и Ужасный

Изумрудный город

На следующее утро после нескольких часов пути друзья увидели на горизонте слабое зеленое сияние.

– Это, должно быть, Изумрудный город, – сказала Элли.

По мере того как они шли, сияние становилось ярче и ярче, но только после полудня путники подошли к высокой городской стене, сложенной из кирпича. Перед ними были большие ворота, украшенные огромными изумрудами, сверкающими так ярко, что они ослепили даже нарисованные глаза Страшилы. У этих ворот кончилась дорога, вымощенная желтым кирпичом, которая много дней верно вела их и наконец привела к долгожданной цели.

Над воротами висел колокол, а рядом, над калиткой, другой, поменьше. Элли трижды дернула за веревку большого колокола, и он ответил глубоким серебристым звоном. Ворота открылись, и путники вошли в сводчатую комнату, на стенах которой блестело множество изумрудов.

Путников встретил маленький человек, с ног до головы одетый в зеленое; на боку у него висела зеленая сумка.

Зеленый человек очень удивился, увидев такую странную компанию, и спросил:

– Кто вы такие?

– Я соломенное чучело, и мне нужны мозги! – Страшила.

– А я сделан из железа, и мне недостает сердца, – сказал Дровосек.

Фарамант – Страж Ворот в Изумрудном городе, раздающий всем входящим зеленые очки. Спокойный и педантичный городской чиновник. Прообразом ему послужил безымянный Страж Ворот у Баума. Но в американской сказке он – эпизодическая личность, тогда как у Волкова – часто встречающийся персонаж, патриот Изумрудного города, друг Дина Гиора, а впоследствии и Страшилы.

Прообразом Длиннобородого Солдата Дина Гиора стал Зеленобородый Солдат из сказки Баума. Но у Волкова он обладает храбростью и навыками профессионального воина, тогда как у Баума – комический персонаж. Дин Гиор – единственный охранник в мирное время Изумрудного города, и все свое время во время исполнения этой должности посвящает расчесыванию своей длинной дивной бороды.

В многочисленных театральных постановках часто Фараманта и Дина Гиора объединяют в одном лице.

Баум, издавая в молодости провинциальную газету, однажды опубликовал в ней шутку:

Одного фермера спросили:

– Чем вы кормите лошадей в голодное время?

Тот ответил:

– Я надеваю им зеленые очки и кормлю стружками. Лошади думают, что это трава, и едят с удовольствием.

– А я Трусливый Лев и желаю получить храбрость, – сказал Лев.

– А я Элли из Канзаса и хочу вернуться на родину, – сказала Элли.

– Зачем же вы пришли в Изумрудный город?

– Мы хотим видеть Великого Гудвина! Мы надеемся, что он исполнит наши желания: ведь, кроме Волшебника, никто не может нам помочь.

– Много лет никто не просил у меня пропуска к Гудвину Ужасному, – задумчиво сказал человек. – Он могуч и грозен, и, если вы пришли с пустой и коварной целью отвлечь Волшебника от мудрых размышлений, он уничтожит вас в одно мгновение.

– Но мы ведь пришли к Великому Гудвину по важным делам, – внушительно сказал Страшила. – И мы слышали, что Гудвин – добрый мудрец.

– Это так, – сказал зеленый человечек. – Он управляет Изумрудным городом мудро и хорошо. Однако для тех, кто приходит в город из пустого любопытства, он ужасен. Я Страж Ворот Фарамант, и, раз вы пришли, я должен провести вас к Гудвину, только наденьте очки.

– Очки? – удивилась Элли.

– Без очков вас ослепит великолепие Изумрудного города. Даже все жители города носят очки и день и ночь. Таков приказ Мудрого Гудвина. Очки запираются на замочек, чтобы никто не мог снять их.

Фарамант открыл зеленую сумку, и там оказалась куча зеленых очков всевозможных размеров. Все путники, не исключая Льва и Тотошки, оказались в очках, которые Страж Ворот закрыл на затылке крошечными замочками.

Страж Ворот тоже надел очки, вывел притихших путников через противоположную дверь, и они оказались на улице Изумрудного города.

Блеск Изумрудного города ослепил путников, хотя глаза их были защищены очками. По бокам улицы возвышались великолепные дома из зеленого мрамора, стены которых были украшены изумрудами. Мостовая была из зеленых мраморных плит, и между ними тоже были вделаны изумруды. На улицах толпился народ.

На странных товарищей Элли жители смотрели с любопытством, но никто из них не заговаривал с девочкой: и здесь боялись Льва и Тотошки. Жители города были в зеленой одежде, и кожа их отливала смугло-зеленоватым оттенком. Все было зеленого цвета в Изумрудном городе, и даже солнце светило зелеными лучами.

Фарамант провел путников по зеленым улицам, и они очутились перед большим красивым зданием, расположенным в центре города. Это и был дворец Великого Мудреца и Волшебника Гудвина.

Сердце Элли затрепетало от волнения и страха, когда она шла по дворцовому парку, украшенному фонтанами и клумбами; сейчас решится ее судьба, сейчас она узнает, отправит ли Волшебник Гудвин ее на родину, или она напрасно стремилась сюда, преодолев столько испытаний.

Дворец Гудвина был хорошо защищен от врагов: его окружала высокая стена, а перед ней был ров, наполненный водой, и через ров в случае надобности можно было перекинуть мост.

Когда Фарамант и путники подошли ко рву, мост был поднят. На стене стоял высокий Солдат, одетый в зеленый мундир. Зеленая борода Солдата спускалась ниже колен. Он ужасно гордился своей бородой, и не удивительно: другой такой не было в стране Гудвина. Завистники говорили, что у Солдата не было никаких достоинств, кроме бороды, и что только борода поставила его в то высокое положение, которое он занимал.

В руках у Солдата было зеркальце и гребешок. Он смотрелся в зеркальце и расчесывал гребешком свою великолепную бороду, и это занятие настолько поглощало его внимание, что он ничего не видел и не слышал.

– Дин Гиор! – крикнул Солдату Страж Ворот. – Я привел чужестранцев, которые хотят видеть Великого Гудвина!

Никакого ответа.

Страшила закричал своим хрипловатым голосом:

– Господин Солдат, впустите нас, знаменитых путешественников, победителей саблезубых тигров и отважных пловцов по рекам!

Никакого ответа.

– Кажется, ваш друг страдает рассеянностью? – спросила Элли.

– Да, к сожалению, это за ним водится, – отвечал Фарамант.

– Почтеннейший! Обратите на нас внимание! – крикнул Дровосек. – Нет, не слышит. Давайте-ка все хором!..

Все приготовились, а Дровосек даже поднес ко рту свою воронку вместо рупора. По знаку Страшили все заорали, что было мочи:

– Гос-по-дин Сол-дат! Впу-сти-те нас! Гос-по-дин Солдат!! Впу-сти-те нас!!!

Страшила оглушительно колотил по перилам рва своей тростью, а Тотошка звонко лаял. Никакого впечатления. Солдат по-прежнему любовно укладывал в своей бороде волосок к волоску.

– Я вижу, мне придется рявкнуть по-лесному, – сказал Лев.

Он покрепче уперся на лапах, поднял голову и испустил такой рык, что зазвенели стекла домов, вздрогнули цветы, выплеснулась вода из бассейнов, а любопытные, издали наблюдавшие за странной компанией, врассыпную бросились бежать, заткнув уши. Спрятав гребешок и зеркальце в карман, Солдат свесился со стены и с удивлением начал рассматривать пришельцев. Узнав среди них Стража Ворот, он вздохнул с облегчением.

– Это ты, Фарамант? – спросил он. – В чем дело?

– Дело в том, Дин Гиор, – сердито ответил Страж Ворот, – что мы целых полчаса не могли докричаться тебя!

– А, только полчаса? – беспечно отозвался Солдат. – Ну, это сущие пустяки. Лучше скажи мне, кто это с тобой?

– Это чужестранцы, которые хотят видеть Великого Гудвина!

– Ну что ж, пусть войдут, – со вздохом сказал Дин Гиор. – Я доложу о них Великому Гудвину...

Он опустил мост, и путники, попрощавшись с Фарамантом, перешли через мост и очутились во дворце. Их ввели в приемную. Солдат попросил их вытереть ноги о зеленый половичок у входа и усадил в зеленые кресла.

– Побудьте здесь, а я пойду к двери тронного зала и доложу Великому Гудвину о вашем прибытии.

Через несколько минут Дин Гиор вернулся, и Элли спросила его:

– Видели Гудвина?

– О, нет, я его никогда не вижу! – последовал ответ. – Великий Гудвин всегда говорит со мной из-за двери: вероятно, вид его так страшен, что Волшебник не хочет попусту пугать людей. Я доложил о вашем приходе. Сначала Гудвин рассердился и не хотел меня слушать. Потом вдруг стал расспрашивать о том, как вы одеты. А когда узнал, что на вас серебряные башмачки, то чрезвычайно заинтересовался этим и сказал, что примет вас всех. Но каждый день к нему допускается только один проситель – таков его обычай. И так как вы проживете здесь несколько дней, он приказал отвести вам комнаты, чтобы вы отдохнули от долгого пути.

– Передайте нашу благодарность Великому Гудвину, – ответила Элли.

Девочка решила, что Волшебник не так страшен, как говорят, и что он вернет ее на родину.

Дин Гиор свистнул в зеленый свисточек, и явилась красивая девушка в зеленом шелковом платье. У нее была красивая гладкая зеленая кожа, зеленые глаза и пышные зеленые волосы. Флита (так звали девушку) низко поклонилась Элли и сказала:

– Идите за мной, я отведу вас в вашу комнату.

Они прошли по богатым покоем, много раз спускались и поднимались по лестницам, и, наконец, Элли очутилась в отведенной ей комнате. Это была самая восхитительная и уютная комната в мире, с маленькой кроватью, с фонтаном посередине, из которого била тоненькая струйка воды, падавшая в красивый бассейн. Конечно, и здесь все было зеленого цвета.

– Располагайтесь, как дома, – сказала Флита. – Великий Гудвин примет вас завтра утром.

Оставив Элли, девушка развела остальных путешественников по их комнатам. Комнаты были прекрасно обставлены и находились в лучшей части дворца.

Впрочем, на Страшилу окружающая роскошь не произвела никакого впечатления. Очухившись в своей комнате, он стал около двери с самым равнодушным видом и простоял, не сходя с места, до самого утра. Всю ночь он таращил глаза на паучка, который так беззаботно плел паутину, как будто находился не в прекраснейшем дворце, а в бедной лачужке сапожника.

Железный Дровосек хотя и лег в постель, но сделал это по привычке тех времен, когда он был еще из плоти и крови. Но и он не спал всю ночь, то и дело двигая головой, руками и ногами, чтобы убедиться, что они не заржавели.

Лев с удовольствием улегся бы на заднем дворе, на подстилке из соломы, но ему этого не позволили. Он забрался на кровать, свернулся клубком, как кот, и захрапел на весь дворец. Его громкому храпу вторил тоненький храп Тотошки, который на этот раз решил поместиться вместе со своим могучим другом.

Удивительные превращения волшебника Гудвина

Наутро Флита умыла и причесала Элли и повела ее в тронный зал Гудвина.

В зале рядом с тронным собрались придворные кавалеры и дамы в нарядных костюмах. Гудвин никогда не выходил к ним и не принимал их у себя. Однако в продолжение многих лет они каждое утро проводили во дворце, пересмеиваясь и сплетничая; называли это придворной службой и очень гордились ею.

Придворные посмотрели на Элли с удивлением и, заметив на ней серебряные башмачки, отвесили ей поклоны до самой земли.

– Фея... Фея... Это Фея... – слышался шепот.

Один из самых смелых придворных приблизился к Элли и, беспрестанно кланяясь, спросил:

– Осмелюсь осведомиться, милостивая госпожа Фея, неужели вы действительно удостоитесь приема у Гудвина Ужасного?

– Да, Гудвин хочет меня видеть, – скромно ответила Элли.

В толпе пронесся гул удивления. В это время зазвенел колокольчик.

– Сигнал! – сказала Флита. – Гудвин требует вас в тронный зал.

Солдат открыл дверь. Элли робко вошла и очутилась в удивительном месте. Тронный зал Гудвина был круглый, с высоким сводчатым потолком; и повсюду – на полу, на потолке, на стенах – блестили бесчисленные драгоценные камни.

Элли посмотрела вперед. В центре комнаты стоял трон из зеленого мрамора, сияющий изумрудами. И на этом троне лежала огромная Живая Голова, одна голова, без туловища...

Голова имела настолько внушительный вид, что Элли обомлела от страха. Лицо Головы было гладкое и лоснящееся, с полными щеками, с огромным носом, с крупными, плотно сжатыми губами. Голый череп сверкал, как выпуклое зеркало. Голова казалась безжизненной: ни морщины на лбу, ни складки у губ, и на всем лице жили только глаза. Они с непонятным проворством повернулись в орбитах и уставились в потолок. Когда глаза вращались, в тишине зала слышался скрип, и это поразило Элли.

Девочка смотрела на непонятное движение глаз и так растерялась, что забыла поклониться Голове.

– Я – Гудвин, Великий и Ужасный! Кто ты такая и зачем беспокоишь меня?

Элли заметила, что рот Головы не двигается и голос, негромкий и даже приятный, слышится как будто со стороны.

Девочка приободрилась и ответила:

– Я – Элли, маленькая и слабая. Я пришла издалека и прошу у вас помощи.

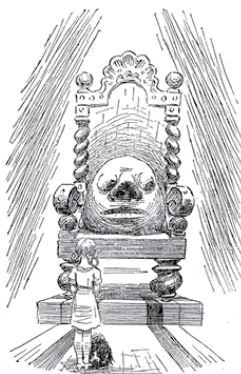
Глаза снова повернулись в орбитах и застыли, глядя в сторону; казалось, они хотели посмотреть на Элли, но не могли.

Голос спросил:

– Откуда у тебя серебряные башмачки?

– Из пещеры злой волшебницы Гингемы. На нее упал мой домик, раздавил ее, и теперь славные Жевуны свободны...

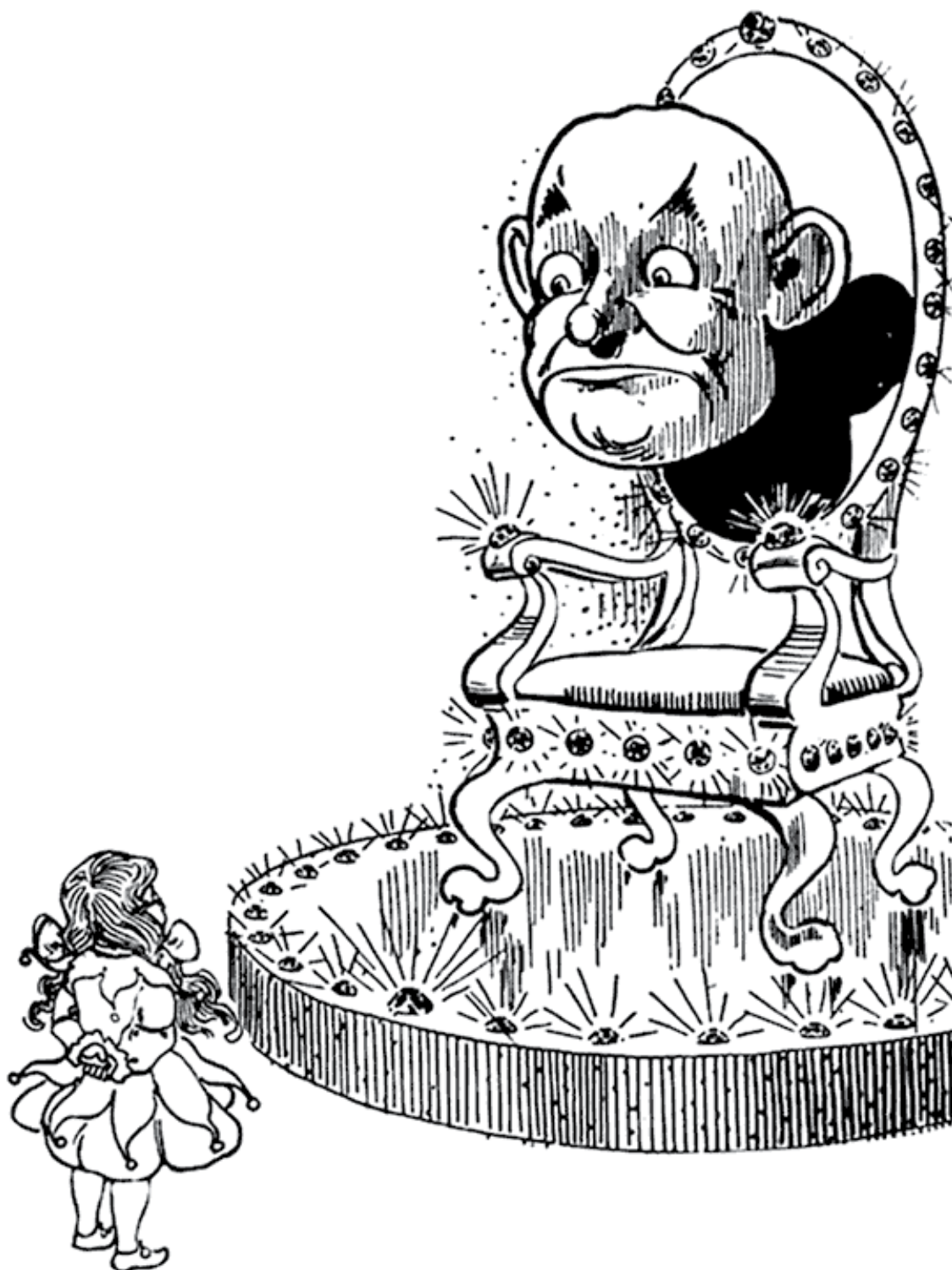
– Жевуны освобождены? – оживился голос. – И Гингемы больше нет? Приятное известие! – Глаза Головы завертелись и, наконец, уставились на Элли. – Но чего же ты от меня хочешь?

Сохранив почти повествовательные движения сказки, Волков решительно изменил стилистику повествования. Точную, но графически суховатую прозу Баума он «перевел» в акварельную мягкую живопись.

Американская сказка не психологична, внутренний мир человека исследуется в ней сугубо рационально. Пересказ Волкова обогатил сказку иронической психологией (или, если угодно, психологической иронией). Вот испуг: Тотошка вырывается из рук маленькой хозяйки, и королеве мышей приходится спастись от него «с поспешностью, совсем неприличной для королевы». Вот радость: мигуны «так усердно подмигивали друг другу, что к вечеру ничего не видели вокруг себя». Вот удивление: девочка стоит перед муляжной головой, которую принимает за одно из воплощений волшебника Гудвина, и «когда глаза вращались, то в тишине зала слышался скрип, и это поразило Элли». Все эти и множество подобных «маленьких тонкостей» были придуманы Волковым.

Украинский литературовед Мирон Петровский

В повестях Волкова звучит тема любви к родине, чего нет у Баума. Дороти у американского писателя вместе со своей семьей, в конце концов, переселяется в страну Оз, где жить легче и приятнее, чем в унылом Канзасе. Элли у Волкова при всей своей любви к Волшебной стране, стремится вернуться в родной дом.

– Пошлите меня на родину, в Канзас, к папе и маме...

– Ты из Канзаса? – перебил голос, и в нем послышались добрые человеческие нотки. – А как там сейчас... – Но голос вдруг умолк, а глаза Головы отвернулись от Элли.

– Я из Канзаса, – повторила девочка. – Хотя ваша страна и великолепна, но я не люблю ее, – храбро продолжала она. – Здесь на каждом шагу такие опасности.

– А что с тобой приключилось? – поинтересовался голос.

– Дорогой на меня напал Людоед. Он съел бы меня, если бы меня не выручили мои верные друзья, Страшила и Железный Дровосек. А потом за нами гнались саблезубые тигры... А потом мы попали в ужасное маковое поле... Ох, это настоящее сонное царство! Мы со Львом и Тотошкой заснули там. И если бы не Страшила и Железный Дровосек, да еще мыши, мы спали бы там до тех пор, пока не умерли... Да всего этого хватит рассказывать на целый день. И теперь я вас прошу: исполните, пожалуйста, три заветных желания моих друзей, и когда вы их исполните, вы и меня должны будете вернуть домой.

– А почему я должен буду вернуть тебя домой?

– Потому что так написано в волшебной книге Виллины...

– А, это добрая волшебница Желтой страны, слышал о ней, – молвил голос. – Ее предсказания не всегда исполняются.

– И еще потому, – продолжала Элли, – что сильные должны помогать слабым. Вы великий мудрец и волшебник, а я беспомощная маленькая девочка.

– Ты оказалась достаточно сильной, чтобы убить злую волшебницу, – возразила Голова.

– Это сделало волшебство Виллины, – просто ответила девочка. – Я тут ни при чем.

– Вот мой ответ, – сказала Живая Голова, и глаза ее завертелись с такой необычайной быстротой, что Элли вскрикнула от испуга. – Я ничего не делаю даром. Если хочешь воспользоваться моим волшебным искусством, чтобы вернуться домой, ты должна сделать то, что я тебе прикажу.

Глаза Головы мигнули много раз подряд. Несмотря на испуг, Элли с интересом следила за глазами и ждала, что они будут делать дальше. Движения глаз совершенно не соответствовали словам Головы и тону ее голоса, и девочке казалось, что глаза живут самостоятельной жизнью.

Голова ждала вопроса.

– Но что я должна сделать? – спросила удивленная Элли.

– Освободи Фиолетовую страну от власти злой волшебницы Бастинды, – ответила Голова.

– Но я же не могу! – вскричала Элли в испуге.

– Ты покончила с рабством Жевунов и сумела получить волшебные серебряные башмачки Гингемы. Осталась одна злая волшебница в моей стране, и под ее властью изнывают бедные, робкие Мигуны, жители Фиолетовой страны. Нужно им тоже дать свободу...

– Но как же это сделать? – спросила Элли. – Ведь не могу же я убить волшебницу Бастинду!

– Гм, гм... – голос на мгновение запнулся. – Мне это безразлично. Можно посадить ее в клетку, можно изгнать из Фиолетовой страны, можно... Да, в конце концов, – рассердился голос, – ты на месте увидишь, что можно сделать! Важно лишь избавить от ее владычества Мигунов, а судя по тому, что ты рассказала о себе и своих друзьях, вы сможете и должны это сделать. Так сказал Гудвин, Великий и Ужасный, и слово его – закон!

Девочка заплакала.

– Вы требуете от нас невозможного!

– Всякая награда должна быть заслужена, – сухо возразила Голова. – Вот мое последнее слово: ты вернешься в Канзас к отцу и матери, когда освободишь Мигунов. Помни, что Бастинда – волшебница могущественная и злая, ужасно могущественная и злая, и надо лишить ее волшебной силы. Иди и не возвращайся ко мне, пока не выполнишь свою задачу.

Грустная Элли оставила тронный зал и вернулась к друзьям, которые с беспокойством ожидали ее.

– Нет надежды! – сказала девочка со слезами. – Гудвин приказал мне лишить злую Бастинду ее волшебной силы, а мне этого никогда не сделать!..

Все опечалились, но никто не мог утешить Элли. Она вошла в свою комнату и плакала, пока не уснула.

На следующее утро зеленобородый Солдат явился за Страшилой.

– Идите за мной, вас ждет Гудвин.

Страшила зашел в тронный зал и увидел на троне прекрасную Морскую Деву с блестящим рыбьим хвостом. Лицо Девы было неподвижно, как маска, глаза смотрели в одну точку. Дева обмахивалась веером, делая рукой однообразные механические движения.

Страшила, ожидавший увидеть Живую Голову, растерялся, но потом собрался с духом и почтительно поклонился. Морская Дева сказала приятным низким голосом, звучащим, казалось, со стороны:

– Я – Гудвин, Великий и Ужасный! Кто ты и зачем пришел ко мне?

– Я – чучело, набитое соломой, – ответил Страшила. – Я прошу вас дать мозгов для моей соломенной головы. Тогда я буду, как все люди в ваших владениях, и это самое заветное мое желание.

– Почему ты обращаешься с этой просьбой ко мне?

– Потому что вы мудры, и никто, кроме вас, не поможет мне.

– Мои милости не даются даром, – ответила Морская Дева. – И вот мой ответ: лиши Бастинду волшебной силы, и я дам тебе столько мозгов – и прекрасных мозгов! – что ты станешь мудрейшим человеком в стране Гудвина.

– Но ведь вы приказали сделать это Элли! – с удивлением вскричал Страшила.

– Мне не важно, кто это сделает, – ответил голос. – Но знай: пока Мигуны остаются рабами Бастинды, твоя просьба не будет исполнена. Иди и заслужи мозги.

Страшила печально поплелся к друзьям и рассказал им, как принял его Гудвин.

Все удивились, услышав, что Гудвин явился Страшילה в виде прекрасной Морской Девы.

На следующий день Солдат вызвал Железного Дровосека. Когда тот явился в тронный зал, неся на плече топор, с которым никогда не расставался, он не увидел ни Живой Головы, ни прекрасной Девы. На троне громоздился чудовищный зверь. Морда у него была, как у кабана, только с рогом, и на ней было разбросано около десятка глаз, тупо смотревших в разные стороны. Штук двенадцать лап разной длины и толщины свисали с неуклюжего туловища. Кожу зверя кое-где покрывала косматая шерсть: местами кожа была голая, и на грубой серой поверхности выступали бородавчатые наросты.

Более отвратительного чудовища невозможно было себе представить. У любого человека при виде его сердце забилося бы от страха. Но Дровосек не имел сердца, поэтому он не испугался и вежливо приветствовал чудовище. Все-таки он сильно разочаровался, так как ожидал увидеть Гудвина в образе прекрасной Девы, которая, по мнению Дровосека, скорее наделила бы его сердцем.

– Я – Гудвин, Великий и Ужасный! – проревел зверь голосом, выходящим не из пасти чудовища, а из дальнего угла комнаты. – Кто ты такой и зачем тревожишь меня?

– Я – Дровосек и сделан из железа. Я не имею сердца и не могу любить. Дайте мне сердце, и я буду, как все люди в вашей стране. И это самое мое заветное желание.

– Все желания да желания! Право, чтобы удовлетворить все ваши заветные желания, я должен день и ночь сидеть за своими волшебными книгами. – И после молчания голос добавил – Если хочешь иметь сердце, заработай его!

– Как?

– Схвати Бастинду, заключи ее в каменную темницу! Ты получишь самое большое, самое доброе и самое любвеобильное сердце в стране Гудвина! – прорычало чудовище.

Железный Дровосек рассердился и шагнул вперед, снимая с плеча топор. Движение Дровосека было таким стремительным, что зверь испугался. Он злобно провизжал:

– Ни с места! Еще шаг вперед – и тебе, и твоим друзьям не поздоровится!

Железный Дровосек в смущении покинул тронный зал и поспешил с плохими известиями к своим друзьям.

Трусливый Лев свирепо сказал:

– Хоть я и трус, а придется мне завтра померяться силами с Гудвином. Если он явится в образе зверя, я рывкну, как на саблезубых тигров, и напугаю его. Если он примет вид Морской Девы, я схвачу его и поговорю с ним по-своему. А лучше всего, если бы он был Живой Головой, – я катал бы ее из угла в угол и подбрасывал бы, как мяч, пока он не исполнит наших желаний.

На следующее утро наступила очередь Льва идти к Гудвину, но когда он вошел в тронный зал, то отпрыгнул в изумлении: над тронном качался и сиял Огненный Шар. Лев зажмурил глаза.

Из угла раздался голос:

– Я – Гудвин, Великий и Ужасный! Кто ты и зачем докучаешь мне?

– Я – Трусливый Лев! Я хотел бы получить от вас немного смелости, чтобы стать царем зверей, как меня все величают.

– Помоги прогнать Бастинду из Фиолетовой страны, и вся смелость, какая есть во дворце Гудвина, будет твоя! Но если ты этого не сделаешь, ты навсегда останешься трусом. Я заколдую тебя, и ты будешь бояться мышей и лягушек!

Рассерженный Лев начал подкрадываться к Шару, чтобы схватить его, но на него повеяло таким жаром, что Лев взвыл и, поджав хвост, выбежал из зала. Он вернулся к друзьям и рассказал о приеме, который устроил ему Гудвин.

– Что же с нами будет? – печально спросила Элли.

– Ничего не остается, как попробовать выполнить приказ Гудвина, – сказал Лев.

– А если не удастся? – возразила девочка.

– Я никогда не получу смелости, – ответил Лев.

– Я никогда не получу мозгов, – сказал Страшила.

– А я никогда не получу сердца, – добавил Дровосек.

– А я никогда не вернусь домой, – молвила Элли и заплакала.

– А соседский Гектор всю жизнь будет утверждать, что я сбежал с фермы только потому, что испугался решительного боя с ним, – закончил Тотошка.

Потом Элли вытерла слезы и сказала:

– Попробую! Но я уверена, что ни за какие блага в мире не решусь поднять руку на Бастинду.

– Я пойду с тобой, – сказал Лев. – Хоть я и слишком труслив, чтобы помочь тебе в борьбе со злой волшебницей, но, может быть, мои услуги тебе в чем-нибудь пригодятся.

– Я тоже пойду, – сказал Страшила. – Правда, я ничем не смогу быть полезен: я ведь слишком глуп!

– У меня не хватит духу обидеть Бастинду, хотя она очень и очень скверная женщина, – сказал Железный Дровосек. – Но если вы идете, я, конечно, пойду с вами, друзья!

– Ну, а Тотошка, – важно заявил песик, – Тотошка, понятно, никогда не покинет товарищей в беде.

Элли горячо поблагодарила верных друзей.

Решили отправиться на следующий день ранним утром.

Железный Дровосек наточил топор, тщательно смазал все суставы и доверху наполнил масленку лучшим маслом. Страшила попросил набить себя свежей соломой. Элли раздобыла кисточку и краски и заново подвела ему глаза, рот и уши, поблекшие от дорожной пыли и яркого солнца. Флита наполнила корзинку Элли вкусными кушаньями. Она расчесала шерстку Тотошки и привязала ему на шею серебряный колокольчик.

На рассвете их разбудил крик зеленого петуха, жившего на заднем дворе.

Последнее волшебство Бастинды

К воротам Изумрудного города путников отвел зеленобородый Солдат Дин Гиор. Страж Ворот снял со всех очки и спрятал их в сумку.

– Вы уже покидаете нас? – вежливо спросил он.

– Да, мы вынуждены идти, – с грустью ответила Элли. – Где начинается дорога в Фиолетовую страну?

– Туда нет дороги, – ответил Фарамант. – Никто по доброй воле не ходит в страну злой Бастинды.

– Как же мы найдем ее?

– Вам не придется беспокоиться об этом, – воскликнул Страж Ворот. – Когда вы придете в Фиолетовую страну, Бастинда сама найдет вас и заберет в рабство.

Бастинда – одноглазая старая колдунья, захватившая власть в Фиолетовой стране, где проживали поработанные ею Мигуны. Самая опасная злая волшебница после смерти ее сестры Гингемы. Своим единственным глазом она могла видеть на большие расстояния. Прообразом Бастинды является Злая Ведьма Запада из сказки Баума. В сказку Волков при переиздании добавил революционный мотив. Элли, томившаяся в плену у Бастинды, убеждает кухарку Фрегозу поднять восстание против злой колдуньи. Поколебавшись, Фрегоза соглашается и привлекает к подготовке восстания народные массы Мигунов. Но внезапная гибель Бастинды опережает планы революционеров.

Книгу Баума «Мудрец из страны Оз» некоторые американские исследователи его творчества трактовали как политическую сатиру на Соединенные Штаты 1890-х годов. Железный Дровосек они воспринимали как аллегория промышленных рабочих, подвергавшихся жестокой эксплуатации со стороны Ведьмы Востока, правившей страной манчкинов до урагана, который создает революцию (победу Демократической партии США на президентских выборах после почти 30-летнего правления республиканцев) и убивает колдунью. Ведьмы, правившие частями Волшебной страны, – намек на влиятельных монополистов, фактически управлявшими США, Летучие

Обезьяны – агенты детективного агентства Алана Пинкертон, Трусливый Лев – американская армия...

– А может быть, мы сумеем лишить ее волшебной силы? – сказал Страшила.

– Ах, вы хотите победить Бастинду? Тем хуже для вас! С ней еще никто не пробовал бороться, кроме Гудвина, да и тот, – Страж Ворот понизил голос, – потерпел неудачу. Она постарается захватить вас в плен, прежде чем вы сможете что-нибудь предпринять. Будьте осторожны! Бастинда очень злая и искусная волшебница, и справиться с ней очень трудно. Идите туда, где всходит солнце, и вы придете в ее страну! Желаю вам успеха!

Путники распрощались с Фарамантом, и он закрыл за ними ворота Изумрудного города. Элли повернула на восток, остальные пошли за ней. Все были печальны, зная, какое трудное дело им предстоит. Только беспечный Тотошка весело носился по полю и гонялся за большими пестрыми бабочками: он верил в силу Льва и Железного Дровосека и надеялся на изобретательность Страшилы.

Элли взглянула на собачку и вскрикнула от изумления: ленточка на шее из зеленой превратилась в белую.

– Что это значит? – спросила она друзей.

Все посмотрели друг на друга, и Страшила глубокомысленно заявил:

– Колдовство!

За неимением другого объяснения все согласились с этим и зашагали дальше. Изумрудный город исчезал вдали. Страна становилась пустынной: путники приближались к владениям Бастинды.

До самого полудня солнце светило путникам в глаза, ослепляя их, но они шли по каменистому плоскогорью, и не было ни одного дерева, чтобы спрятаться в тень. К вечеру Элли устала, а Лев поранил лапу и хромал.

Остановились на ночлег. Страшила и Железный Дровосек стали на караул, а остальные заснули.

* * *

У злой Бастинды был только один глаз, зато она видела им так, что не было уголка в Фиолетовой стране, который ускользнул бы от ее острого зрения.

Выйдя вечером посидеть на крылечке, Бастинда обвела глазом свои владения и вздрогнула от ярости: далеко-далеко, на границе своих владений, она увидела маленькую спящую девочку и ее друзей.

Волшебница свистнула в свисток. Ко дворцу Бастинды с шумом сбежалась стая огромных волков со злыми желтыми глазами и с большими клыками, торчавшими из разинутых пастей. Волки присели на задние лапы и, тяжело дыша, смотрели на Бастинду.

– Бегите на запад! Там найдете маленькую девочку, нагло забравшуюся в мою страну, и с ней ее спутников. Всех разорвите в клочки!

– Почему ты не возьмешь их в рабство? – спросил предводитель стаи.

– Девчонка слаба. Ее спутники не могут работать: один набит соломой, другой – из железа. И с ними Лев, от которого тоже не жди толку.

Вот как видела Бастинда своим единственным глазом!

Волки помчались.

– В клочки! В клочки! – визжала волшебница вдогонку.

Но Страшила и Железный Дровосек не спали. Они вовремя заметили приближение волков.

– Разбуди Льва, – сказал Страшила.

– Не стоит, – ответил Железный Дровосек. – Это мое дело – управляться с волками. Я им устрою хорошую встречу!

И он вышел вперед. Когда вожак подбежал к Железному Дровосеку, широко разевая красную пасть, Дровосек взмахнул остро отточенным топором – голова волка отлетела. Волки бежали вереницей один за другим; как только следующий бросился на Железного Дровосека, тот был уже наготове с поднятым кверху топором, и голова волка упала наземь.

Сорок свирепых волков было у Бастинды, и сорок раз поднимал Железный Дровосек свой топор. И когда он поднял его в сорок первый раз, ни одного волка не осталось в живых: все они лежали у ног Железного Дровосека.

– Прекрасная битва! – восхитился Страшила.

– Деревья рубить труднее, – скромно ответил Дровосек.

Друзья дожидались утра. Проснувшись и увидев кучу мертвых волков, Элли испугалась. Страшила рассказал ей о ночной битве, и девочка от всей души благодарила Железного Дровосека. После завтрака вся компания смело двинулась в путь.

Старая Бастинда любила понежиться в постели. Она встала поздно и вышла на крыльцо расспросить волков, как они загрызли дерзких путников.

Каков же был ее гнев, когда она увидела, что путники продолжают идти, а верные волки лежат мертвые!

Бастинда свистнула дважды, и в воздухе закружилась стая хищных ворон с железными клювами. Волшебница крикнула:

– Летите к западу. Там чужестранцы! Заключите их до смерти! Скорей! Скорей!

Вороны со злобным карканьем понеслись навстречу путникам. Завидев их, Элли перепугалась. Но Страшила сказал:

– С этими управиться – мое дело! Ведь недаром же я воронье пугало! Становитесь сзади меня! – И он нахлобучил шляпу на голову, широко расставил руки и принял вид заправского пугала.

Вороны растерялись и нестройно закружились в воздухе. Но вожак стаи хрипло прокаркал:

– Чего испугались? Чучело набито соломой! Вот я ему задам!

И вожак хотел сесть Страшילה на голову, но тот поймал его за крыло и мигом свернул ему шею. Сорок хищных ворон с железными клювами было у Бастинды, и всем свернул шеи храбрый Страшила и побросал их в кучу.

Путники поблагодарили Страшилу за находчивость и снова двинулись на восток.

Когда Бастинда увидела, что и верные ее вороны лежат на земле мертвой грудой, а путники неустрашимо идут вперед, ее охватили злоба и страх.

– Как? Неужели всего моего волшебного искусства неостанет задержать наглую девочку и ее спутников?!

Бастинда затопала ногами и трижды просвистела в свисток. На ее зов слетелась туча свирепых черных пчел, укусы которых были смертельны.

– Летите на запад! – прорычала волшебница. – Найдите там чужестранцев и зажальте до смерти! Быстрее! Быстрее!

И пчелы с оглушительным жужжанием полетели навстречу путникам. Железный Дровосек и Страшила заметили их издалека. Страшила мигом сообразил, что делать.

– Вытаскивай из меня солому! – закричал он Железному Дровосеку. – Забрасывай Элли, Льва и Тотошку, и пчелы не доберутся до них!

Он проворно расстегнул кафтан, и из него высыпался целый ворох соломы. Лев, Элли и Тотошка бросились на землю. Дровосек быстро забросал их и выпрямился во весь рост.

Туча пчел с яростным жужжанием набросилась на Железного Дровосека. Дровосек улыбнулся: пчелы ломали ядовитые жала о железо и тотчас умирали, так как пчела не может жить

без жала. Они падали, на их место налетали другие и также пытались вонзить жала в железное тело Дровосека.

Скоро все пчелы лежали мертвыми на земле, как куча черных угольков. Лев, Элли и Тотошка вылезли из-под соломы, собрали ее и набили Страшилу. Друзья снова двинулись в путь.

Злая Бастинда необыкновенно разгневалась и испугалась, видя, что и верные ее пчелы погибли, а путники идут вперед и вперед. Она рвала на себе волосы, скрежетала зубами и от злости долго не могла выговорить ни слова.

Наконец волшебница пришла в себя и созвала своих слуг – Мигунов. Бастинда приказала Мигунам вооружиться и уничтожить дерзких путников. Мигуны были не очень-то храбры – они жалостно замигали, и слезы покатались у них из глаз, но они не осмелились послушаться приказа своей повелительницы и начали искать оружие. Но так как им никогда не приходилось воевать (Бастинда впервые обратилась к ним за помощью), то у них не было никакого оружия, и они вооружились кто кастрюлей, кто сковородником, кто цветочным горшком, а некоторые громко хлопали детскими хлопушками.

Когда Лев увидел, как Мигуны осторожно приближаются, прячась друг за друга, подтачивая один другого сзади и боязливо мигая и щурясь, он расхохотался:

– С этими битва будет недолгой!

Он выступил вперед, раскрыл огромную пасть и так рывкнул, что Мигуны побросали горшки, сковородки и хлопушки и разбежались кто куда.

Злая Бастинда позеленела от страха, видя, что путники идут да идут вперед и уже приближаются к ее дворцу.

Пришлось воспользоваться последним волшебным средством, которое у нее оставалось. В потайном дне сундука у Бастинды хранилась Золотая Шапка. Владелец Шапки мог когда угодно вызвать племя Летучих Обезьян и заставить их выполнить любое приказание. Но Шапку можно было употребить только три раза, а Бастинда уже дважды до этого призывала Летучих Обезьян. В первый раз она с их помощью стала повелительницей страны Мигунов, а во второй раз отбила войска Гудвина Ужасного, который пытался освободить Фиолетовую страну от ее власти.

Вот почему Гудвин боялся злой Бастинды и послал на нее Элли, надеясь на силу ее серебряных башмачков.

Бастинде не хотелось воспользоваться Шапкой в третий раз: ведь на этом кончалась ее волшебная сила. Но у колдуньи уже не было ни волков, ни ворон, ни черных пчел, а Мигуны оказались плохими вояками, и на них нельзя было рассчитывать.

И вот Бастинда достала Шапку, надела на голову и начала колдовать. Она топала ногой и громко выкрикивала волшебные слова:

– Бамбара, чуфара, лорики, ёрики, пикапу, трикапу, скорики, морики! Явитесь передо мной, Летучие Обезьяны!

И небо потемнело от стаи Летучих Обезьян, которые неслись к дворцу Бастинды на своих мощных крыльях. Предводитель стаи Уорра подлетел к Бастинде и сказал:

– Ты вызвала нас в третий и последний раз! Что прикажешь сделать?

– Нападите на других чужестранцев, забравшихся в мою страну, и уничтожьте всех, кроме Льва! Его я буду запрягать в свою коляску!

– Будет исполнено! – ответил предводитель, и стая с шумом полетела на запад.

Победа

Путники с ужасом смотрели на приближение тучи огромных обезьян – с этими сражаться было невозможно.

Обезьяны налетели массой и с визгом набросились на растерянных пешеходов. Ни один не мог прийти на помощь другому, так как всем пришлось отбиваться от врагов.

Железный Дровосек напрасно размахивал топором. Обезьяны облепили его, вырвали топор, подняли бедного Дровосека высоко в воздух и бросили в ущелье, на острые скалы. Железный Дровосек был изуродован, он не мог сдвинуться с места. Вслед за ним в ущелье полетел и топор.

Другая партия обезьян расправлялась со Страшилой. Они выпотрошили его, солому развеяли по ветру, а кафтан, голову, башмаки и шляпу свернули в комок и зашвырнули на вершину высокой горы.

Лев вертелся на месте и от страха так грозно ревел, что обезьяны не решались к нему подступить. Но они изловчились, накинули на Льва веревки, повалили на землю, опутали лапы, заткнули пасть, подняли на воздух и с торжеством отнесли во дворец Бастинды. Там его посадили за железную решетку, и Лев в ярости катался по полу, стараясь перегрызть путы.

Перепуганная Элли ждала жестокой расправы. На нее бросился сам предводитель Летучих Обезьян и уже протянул к горлу девочки длинные лапы с острыми когтями. Но тут он увидел на ногах Элли серебряные башмачки, лицо его перекошилось от страха. Уорра отпрянул назад и, загоразивая Элли от подчиненных, закричал:

– Девочку нельзя трогать? Это Фея!

Обезьяны приблизились любезно и даже почтительно, бережно подхватили Элли вместе с Тотошкой и помчались в Фиолетовый дворец Бастинды. Опустившись перед дворцом, предводитель Летучих Обезьян поставил Элли на землю. Взбешенная волшебница набросилась на него с бранью. Уорра сказал:

– Твой приказ исполнен. Мы разбили железного человека и распотрошили чучело, поймали Льва и посадили за решетку. Но мы и пальцем не могли тронуть девочку; ты сама знаешь, какие несчастья грозят тому, кто обидит обладателя серебряных башмачков. Мы принесли ее к тебе; делай с ней, что хочешь. Прощай навсегда!

«Волшебник Изумрудного города» – одна из любимейших книг моего детства. Перед глазами стоит такая картина. Мама стелет байковое одеяло прямо на шпалы в метро, ставит на одеяло миску с ягодами и рядом кладет книгу. Мы садимся на одеяло, мама читает вслух, а я ем клубнику!

В метро прятались от бомбежки во время налетов немецких самолетов на Москву. Наш дом стоял совсем рядом со станцией «Арбатская», поэтому бежать было недалеко. Потом эта книги поехала со мной в эвакуацию в село Крестово-Городище Ульяновской области. Туда приехало много детей, эвакуированных из разных городов страны. Книги были большой редкостью.

Поэтому при чтении собиралось довольно много народу, кто-то читал вслух, остальные слушали...

«Волшебник Изумрудного города» – первая книга, которую я прочитал самостоятельно. Способствовали этому необыкновенно выразительные иллюстрации Радлова. Черно-белые, сделанные легким касанием пера, эти рисунки создают какую-то странную сказочную атмосферу, таинственную среду, заманчивую и интригующую.

На Первой Всесоюзной выставке художников книги в начале восьмидесятых годов я неожиданно увидел эти знакомые с детства рисунки. Я долго стоял перед иллюстрациями Никиты Эрнестовича Радлова, с благодарностью вспоминая картинку, тускло освещенные керосиновой копилкой, и лица моих сверстников, склонившихся над книгой.

Художник Виктор Чижиков

Рисунки к первому изданию «Волшебника Изумрудного города» (1939 год) выполнил художник и искусствовед Николай Эрнестович Радлов (1889–1942).

Окончив филологический факультет Петербургского университета и Академию художеств, он научную и преподавательскую деятельность совмещал с работой художника – пишет портреты, пейзажи, натюрморты, участвует в выставках, иллюстрирует книги. В 1937 году Радлов переехал из Ленинграда в Москву, став профессором Московского художественного института.

Скончался 29 декабря 1942 года после тяжелой болезни, причиной которой стала травма, полученная в январе 1942 года при попадании в дом, где он жил, немецкой бомбы.

Обезьяны с криком поднялись в воздух и улетели.

Бастинда взглянула на ноги Элли и задрожала от страха: она узнала серебряные башмачки Гингемы.

«Как они к ней попали? – растерянно думала Бастинда. – Неужели хилая девчонка осилила могущественную Гингему, повелительницу Жевунов? И все же на ней башмачки! Плохо мое дело: ведь я пальцем не могу тронуть маленькую нахалку, пока на ней волшебные башмачки».

Она крикнула:

– Эй, ты! Иди сюда! Как тебя зовут?

Девочка подняла на злую волшебницу глаза, полные слез:

– Элли, сударыня!

– Расскажи, как ты завладела башмачками моей сестры Гингемы?! – сурово крикнула Бастинда.

Элли густо покраснела.

– Право, сударыня, я не виновата. Мой домик упал на госпожу Гингему и раздавил ее...

– Гингема погибла... – прошептала злая волшебница.

Бастинда не любила сестру и не видела ее много лет. Она испугалась, что девочка в серебряных башмачках принесет гибель и ей! Но, поглядев на доброе лицо Элли, Бастинда успокоилась.

«Она ничего не знает о таинственной силе башмачков, – решила волшебница. – Если мне удастся завладеть ими, я стану могущественней, чем прежде, когда у меня были волки, вороны, черные пчелы и Золотая Шапка».

Глаза старухи заблестели от жадности, и пальцы скрючились, как будто уже стаскивали с Элли башмаки.

– Слушай меня, девочка Элли! – хрипло прокаркала она. – Я буду держать тебя в рабстве и, если будешь плохо работать, побью тебя большой палкой и посажу в темный подвал, где крысы – огромные жадные крысы! – съедят тебя и обгложут твои нежные косточки! Хи-хи-хи! Понимаешь ты меня?

– О, сударыня! Не отдавайте меня крысам! Я буду слушаться.

Элли не помнила себя от страха.

В это время Бастинда заметила Тотошку, который робко жался к ногам Элли.

– Это еще что за зверь? – сердито спросила злая волшебница.

– Это моя собачка Тотошка, – боязливо ответила Элли. – Она хорошая и очень любит меня...

– Гм... гм... – проворчала волшебница. – Никогда не видела таких зверей. И вот мой приказ: пусть эта собачка, как ты ее называешь, держится от меня подальше, а не то она первая попадет в подвал к крысам! А сейчас идите за мной!

Бастинда повела пленников через прекрасные комнаты дворца, где все было фиолетовое: и стены, и ковры, и мебель – и где у дверей в лиловых кафтанах стояли Мигуны, кланяясь до полу при появлении волшебницы и жалостно мигая ей вслед. Наконец Бастинда привела Элли в темную грязную кухню.

– Ты будешь чистить горшки, сковородки и кастрюли, мыть пол и топить печку! Моей кухарке уже давно нужна помощница!

И, оставив девочку, полуживую от испуга, Бастинда отправилась на задний двор, потирая руки.

– Я хорошо напугала девчонку! Теперь усмирю Льва, и оба будут у меня в руках!

Трусливый Лев уже успел перегрызть веревки и лежал в дальнем углу клетки. Когда он увидел Бастинду, его желтые глаза загорелись злобным огнем.

«Ах, как жаль, что у меня еще нет смелости, – подумал он. – Уж отплатил бы я старой ведьме за гибель Страшилы и Железного Дровосека». И он сжался в комок, готовясь к прыжку.

Старуха вошла через маленькую дверь.

– Эй ты, Лев, слушай! – прошамкала она. – Ты мой пленник! Я буду запрягать тебя в коляску и кататься по праздникам, чтобы Мигуны говорили: «Смотрите, какая могущественная наша повелительница Бастинда – она сумела запрячь даже Льва!»

Пока Бастинда болтала, Лев разинул пасть, оцетинил гриву и, прыгнув на волшебницу, проревел:

– Я тебя съем!

Он на волосок не достал до Бастинды. Перепуганная старуха пулей вылетела из клетки и проворно захлопнула дверцу. Тяжело дыша с перепугу, она крикнула через прутья решетки:

– Ах ты, проклятый! Ты еще меня не знаешь! Я заморю тебя голодом, если не согласишься ходить в упряжке!

– Я тебя съем! – повторил Лев и яростно бросился к решетке.

Старуха затрусилась во дворец, ворча и ругаясь.

...Потянулись скучные тяжелые дни рабства. Элли с утра и до вечера работала на кухне, помогая кухарке Фрегозе. Добрая Мигунья старалась помочь девочке и при удобном случае с радостью выполняла за нее самую трудную работу. Но Бастинда зорко следила за тем, что делается на кухне, и Фрегозе то и дело попадало за ее доброту.

Бастинда жестоко придиралась к Элли и часто замахивалась на девочку грязным лиловым зонтиком, который всегда таскала с собой. Элли не знала, что волшебница не может ударить ее, и сердце девочки сжималось, когда зонтик поднимался над ее головой.

Каждый день старуха подходила к решетке и визгливо спрашивала Льва:

– Пойдешь в упряжке?

– Я тебя съем! – был постоянный ответ, и Лев грозно бросался на прутья решетки.

Бастинда с первого дня плена не давала Льву есть, но он не умирал с голоду и был силен и крепок, как всегда.

Дело в том, что старая Бастинда больше всего на свете боялась темноты и воды. Как только ночная темнота окутывала дворец, Бастинда пряталась в самой дальней комнате, запирала двери прочными железными засовами и не выходила до позднего утра. А Элли совсем не боялась темноты. Она вытаскивала из кухонного шкафа все съестное, что там оставалось. А о том, чтобы там побольше оставалось еды, заботилась Фрегоза. Держа в одной руке корзинку с провизией, а в другой большую бутылку с водой, Элли отправлялась на задний двор. Там ее с восторгом встречали Лев и Тотошка.

Элли и Тотошка очень испугались угрозы Бастинды отдать песика на съедение крысам, и Тотошка с первого дня плена переселился за решетку, под защиту Льва. Он знал, что оттуда Бастинда его не достанет, и безнаказанно лаял на злую волшебницу, когда она появлялась на дворе.

Элли пролезала в клетку между двумя прутьями. Лев и Тотошка набрасывались на принесенные еду и питье. Потом Лев укладывался поудобнее, девочка гладила его густую мягкую шерсть и играла кисточкой его хвоста. Элли, Лев и Тотошка долго разговаривали; с грустью вспоминали про гибель верных друзей – Страшилы и Железного Дровосека, строили планы побега. Но убежать из Фиолетового дворца было невозможно: его окружала высокая стена с острыми гвоздями наверху. Ворота Бастинда запирала, а ключи уносила с собой.

Поговорив и поплавав, Элли крепко засыпала на соломенной подстилке под надежной охраной Льва.

Так шли тоскливые дни плена. Бастинда с жадностью смотрела на серебряные башмачки Элли, которые девочка снимала только ночью, в клетке Льва, или когда купалась. Но Бастинда боялась воды и никогда не подходила в это время к Элли.

Девочка с первых же дней заметила эту странную водобоязнь волшебницы и пользовалась ею. Для Элли были праздниками те дни, когда Бастинда заставляла ее мыть кухню. Разлив на полу несколько ведер воды, девочка уходила в клетку ко Льву и там три-четыре часа отдыхала от тяжелой работы. Бастинда визгливо кричала и ругалась за дверью, но стоило ей заглянуть в кухню и увидеть на полу лужи, она в ужасе убегала к себе в спальню, провожаемая насмешливыми улыбками Фрегозы.

Элли часто беседовала с доброй кухаркой.

– Почему вы, Мигуны, не восстанете против Бастинды? – спрашивала девочка. – Вас так много, целые тысячи, а вы боитесь одной злой старухи. Накинулись бы на нее целой кучей, связали и посадили бы в железную клетку, туда, где сейчас Лев...

– Что ты, что ты, – с ужасом отмахивалась Фрегоза. – Ты не знаешь могущества Бастинды! Ей достаточно будет сказать одно слово, и все Мигуны повалятся мертвыми!

– Откуда вы это знаете?

– Да нам сама Бастинда столько раз об этом говорила.

– Почему же она не сказала такого слова, когда мы шли к ее дворцу? Почему она посылала на нас волков, ворон, черных пчел, а когда мои храбрые друзья уничтожили все ее войско, Бастинде пришлось обратиться за помощью к Летучим Обезьянам?

– «Почему, почему!» – сердилась Фрегоза. – Вот за такие речи Бастинда нас испепелит.

– А как она узнает?

– Да уж так! От нее ничего не скроется!..

Но беседы повторялись не раз, Бастинда о них не знала, и Фрегоза становилась смелее. Она уже охотно соглашалась с Элли, что Мигуны должны освободиться от владычества злой волшебницы.

Но прежде чем решиться на что-нибудь, кухарка хотела поточнее узнать, какое волшебство еще осталось у Бастинды. По вечерам она подкрадывалась к дверям ее спальни и подслушивала ворчание старухи, которая в последнее время стала часто разговаривать сама с собой.

Однажды Фрегоза прибежала от двери Бастинды крайне взволнованная и, не найдя Элли в кухне, устремилась на задний двор. Вся компания уже спала, но кухарка разбудила друзей.

– Элли, ты была права! – кричала Фрегоза, размахивая руками. – Оказывается, Бастинда исчерпала все свои волшебства, и у нее ничего не осталось в запасе. Я слышала, как она причитала и проклинала твоих друзей за то, что они лишили ее волшебной силы...

Девочка и ее друзья необычайно обрадовались и начали расспрашивать Фрегозу о подробностях. Но кухарка мало что могла добавить. Она только еще рассказала, что Бастинда что-то толковала о серебряных башмачках, но что именно – этого Мигунья не дослушала, так как от волнения стукнулась лбом о дверь и убежала, боясь, что волшебница захватит ее на месте преступления.

Важная новость, принесенная Фрегозой, ободрила пленников. Теперь у них появилась возможность выполнить приказ Гудвина и освободить Мигунов.

– Откройте только мне клетку, – зарычал Лев, – и увидите, как я расправлюсь с Бастиндой!

Но клетка была закрыта на огромный замок, а ключ от него хранился у Бастинды в тайнике. Посоветовавшись, друзья решили, что Фрегоза должна подготовить к восстанию слуг. Они захватят волшебницу врасплох и лишат ее свободы и власти.

Фрегоза ушла, а Элли и ее друзья не спали почти всю ночь, разговаривая о предстоящей борьбе с Бастиндой.

На следующий день кухарка принялась за дело. Слуги были очень запуганы Бастиндой, и нелегко было уговорить их выступить против волшебницы. Однако Фрегоза сумела убедить кое-кого из дворцовой охраны, и посвященные в заговор Мигуны стали готовиться.

Прошло несколько дней. Видя, что охранники осмелели и всерьез собираются свести счеты со злой волшебницей, к ним решили присоединиться и остальные слуги. Восстание назревало, но тут непредвиденный случай привел к быстрой и неожиданной развязке.

Бастинда не оставляла мысли о том, что ей необходимо завладеть серебряными башмачками Элли. Для волшебницы это была единственная возможность сохранить свою власть над Фиолетовой страной. И наконец Бастинда придумала.

Однажды, когда ни Фрегозы, ни Элли не было на кухне, волшебница туго натянула над полом тонкую веревочку и спряталась за печью.

Девочка вошла, споткнулась о веревочку и упала; башмачок с правой ноги слетел и откатился в сторону. Хитрая Бастинда выскочила из-за печки, мигом схватила башмачок и надела на свою старую высохшую ногу.

– Хи-хи-хи! А башмачок-то на мне! – дразнила Бастинда девочку, онемевшую от неожиданности.

– Отдайте башмачок! – закричала Элли, придя в себя. – Ах вы, воровка! Как вам не стыдно!

– Попробуй, отбери! – кривляясь, отвечала старуха. – Я и второй с тебя тоже сниму! А уже потом, будь спокойна, отомщу тебе за Гингему! Тебя съедят крысы – хи-хи-хи, огромные жадные крысы! – сложут твои нежные косточки!

Элли была вне себя от горя и гнева: она так любила серебряные башмачки. Чтобы хоть как-нибудь отплатить Бастинде, Элли схватила ведро воды, подбежала к старухе и окатила ее водой с головы до ног.

Волшебница испуганно вскрикнула и пыталась отряхнуться. Напрасно: лицо ее стало ноздреватым, как тающий снег; от нее повалил пар; фигура начала оседать и испаряться...

– Что ты наделала! – завизжала волшебница. – Ведь я сейчас расту!

– Мне очень жаль, сударыня! – ответила Элли. – Я, право, не знала. Но зачем вы украли башмачок?

– Пятьсот лет я не умывалась, не чистила зубов, пальцем не прикасалась к воде, потому что мне была предсказана смерть от воды, и вот пришел мой конец! – завывала старуха.

Голос волшебницы становился тише и тише; она таяла, как кусок сахара в стакане чая.

Элли с ужасом глядела на гибель Бастинды.

– Вы сами виноваты... – начала она.

– Нет, кто тебя надоу... ффффф...

Голос волшебницы прервался, она с шипением осела на пол, и через минуту от нее осталась только грязноватая лужица, в которой лежали платье волшебницы, зонтик, пряди седых волос и серебряный башмачок.

В этот момент в кухню вернулась Фрегоза. Кухарку очень обрадовала гибель ее жестокой госпожи. Зонтик, платье и волосы она подобрала и бросила в угол, чтобы потом сжечь их. Вытерев грязную лужу на полу, Фрегоза побежала по двору – рассказать всем радостную весть...

А Элли вычистила и надела башмачок, нашла ключ от клетки Льва в спальне Бастинды и поспешила на задний двор – рассказать своим друзьям об удивительном конце злой волшебницы Бастинды.

Как вернулись к жизни Страшила и Железный Дровосек

Трусливый Лев страшно обрадовался, услышав о неожиданной гибели Бастинды. Элли открыла клетку, и он с наслаждением пробежался по двору, разминая лапы.

Тотошка явился на кухню, чтобы своими глазами посмотреть на останки страшной Бастинды.

– Ха-ха-ха! – восхитился Тотошка, увидев в углу сверток грязного платья. – Оказывается, Бастинда была не крепче тех снежных баб, каких у нас мальчишки лепят зимой в Канзасе. И жаль, что ты, Элли, не догадалась об этом раньше.

– И хорошо, что я не догадалась, – возразила Элли. – А то вряд ли у меня хватило бы духу облить волшебницу, если бы я знала, что от этого она умрет...

– Ну, все хорошо, что хорошо кончается, – весело согласился Тотошка, – важно то, что мы вернемся в Изумрудный город с победой!

Возле Фиолетового дворца собралось множество Мигунов из окрестностей, и Элли объявила им, что отныне они свободны. Радость народа была неопишима. Мигуны приплясывали, щелкали пальцами и так усердно подмигивали друг другу, что к вечеру у них заслезились глаза, и они уже ничего не видели вокруг себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.